

Наперегонки с Эхом

12+

Петр Лидский

Петр Лидский
Наперегонки с Эхом

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лидский П. В.

Наперегонки с Эхом / П. В. Лидский — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Два мальчика, ученики-волшебники, ввязываются в расследование загадочного убийства, однако одна загадка влечет за собой другую. Огромная опасность нависла над их родным городом, над всем миром. Волею судьбы герои попадают в компанию археологов-кадавров, которые раскапывают останки пещерного города в поисках древней мудрости. С их помощью друзья вступают в поединок с нахрапистым мировым злом. Удастся ли им победить и какой ценой? Литературный редактор: Лев Эйделькинд.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ВТОРАЯ	21
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

ПРОЛОГ

Пантократор был прекрасен. Циклопическая фигура сидела, скрестив ноги и положив руки на колени ладонями вверх. От пальцев в разные стороны сверкающими нитями расходились тысячи астральных каналов, связывающих Строителей с их творением, а через него и друг с другом. Работа еще не была закончена: контур головы и высокий лоб уже угадывались в переплетении толстых тяжей астрала, но глаза были закрыты.

Разум спал глубоким сном не родившегося ребенка, изредка отвечая всплесками на отголоски мыслей Строителей, когда те по какой-либо причине испытывали сильные чувства или слишком громко общались через соединявшие их каналы. Опыт и знания уже были собраны в нижней части исполинского туловища будущего божества. Новый опыт каждого Строителя немедленно поступал в этот архив через астральный канал. Великий сбор опыта и знаний продолжался уже сто шестьдесят восемь лет – столько времени ушло на создание мощной грудной клетки, шеи, головы. Каждому, кто хотел получить какие-нибудь сведения, следовало проникнуть частью своего сознания в архив, чтобы разыскать необходимое. Поиск нужного знания занимал много времени, поэтому частенько Строители обращались напрямую друг к другу, передавали вопрос по цепочке, обсуждали, шумели.

Вот уже которое десятилетие работа шла полным ходом, но только теперь с каждым днем становилась все отчетливее невероятная, не укладывающаяся в голове мысль: нынешнее поколение Строителей посмотрит в открытые глаза божества. Все сложности позади, расчеты сделаны, чертежи готовы и ждут своего воплощения в астрале. Конечно, любая магия такого рода требует огромного напряжения, энергии, времени, однако теперь нужно только читать чертежи и воплощать задуманное. Каждый день работа проще вчерашней, мозаика почти собрана, все меньше и меньше кусочков остается поставить на место. Раньше Строители проводили часок-другой вне транса, желая подкрепить силы и размять затекшие мышцы, однако теперь они считали это пустой тратой времени, ибо Пантократор заменил для них и прошлое, и настоящее, и будущее.

Даже снежные шапки на вершинах гор, которыми изобиловала их страна, больше не казались им такими величественными, как прежде. То, что было священным для их предков, теперь стало слежавшимися кучами воды, намерзшей на огромных каменных глыбах, бессмысленно торчащих из земли. Богом теперь был Разум. Им оставалось всего несколько лет, чтобы закончить начатое. Божество уже начало разбираться в их воспоминаниях; оно упорядочивало, сопоставляло и обобщало знания многих поколений. Полость груди Пантократора начала заполняться разреженной сетью новых связей, соединяющих воедино разрозненные осколки знания. Строители гадали: сможет ли божественный Разум воскресить умерших, чьи воспоминания до сего дня сохраняются в основании колосса? Как быстро выйдет он за пределы доступного им знания и достигнет таких глубин премудрости, которые они и представить себе не могли?

Болид заметили быстро. Новая звездочка зажглась в созвездии Монаха, становясь все ярче с каждой ночью. Строители умели наблюдать за небесными светилами, и им не составило труда понять, что одна из огромных металлических глыб, бороздящих Необъятную Пустоту возле далекого красного кружочка Хапсати, теперь сорвалась со своей орбиты и несется прямо на них. Снова и снова проверяли они расчеты, которые не оставляли места для сомнений: столкновения не избежать. Горы помогут смягчить удар, они всегда помогали им, но эта глыба так велика и мчится так быстро...

Строительство Пантократора остановили – все силы были брошены на уничтожение болида. Драгоценные часы были потрачены на создание орудия, из которого предстояло произвести один-единственный выстрел. Вся энергия страны накапливалась в резервуарах, Пантократору же доставалось ровно столько, сколько требовалось для поддержания его жизни. Уже

тогда появились первые основания для подозрений: что-то не сходилось в балансе энергии, как будто ее было несколько больше, чем раньше. Однако разница была не столь существенна, и этому не придали значения – все до одного были заняты созданием и наведением орудия. Божество проявляло беспокойство: ему еще ни разу не приходилось голодать. Хотя оно и не было способно испытывать страх, ему все же было свойственно давать оценку фактам и событиям. Теперь Пантократор исполнился отрицания, оно расплзлось по астральным каналам и отвлекало Строителей, занятых спасением своей страны. Они пытались игнорировать его как бесконечный плач младенца, что-то уже понимающего, но еще не способного ничего объяснить. Чтобы лучше сосредоточиться на создании орудия, многие Строители оборвали астральные каналы.

Болид тем временем приблизился настолько, что стал размером с Луну. Медлить было нельзя. Шлюзы резервуаров открылись, энергия хлынула мощным потоком в приемный желоб. Астральные помехи нарастали с каждой секундой. Трое Строителей, наиболее сведущих в астрономии, навели орудие. Все, кроме тех, кто должен был совершить выстрел, вышли из транса. Покинув свои ниши, смотрели они, как в утреннем небе растет блестящий, словно черная жемчужина, диск болида. Земля под ногами мелко задрожала. С горы, той, что стояла напротив их городка, с громopodobным шумом покатались камни. Ударяясь о склон, они летели на дно ущелья и раскалывались, поднимая тучи пыли. Грохот усиливался. Медленно, едва заметно, пополз ледник.

Орудие существовало лишь в Астрале, поэтому прятаться не имело никакого смысла. Земля вдруг перестала дрожать, только растревоженная лавина продолжала ворочать камни по склону. Болид раскололся на четыре неравные части. Словно рисуя след совы на снегу, разлетались они теперь по глубокому синему небу. И с появлением этой совиной лапки страх покинул сердца Строителей. Все разом опустили они глаза и посмотрели друг на друга. Десятилетия, проведенные в пучине Астрала, отучили их говорить. Промолчали они и теперь – все было понятно без слов. Неторопливо возвращались они к своим нишам, укрывались одеялами, скрещивали ноги и, раскачиваясь, уходили обратно в свой волшебный сон под убаюкивающий перебор далекой лавины.

Последний из Строителей был уже в глубоком трансе, когда земля чуть заметно дрогнула от далекого удара: совиный коготь все же царапнул степь где-то на севере, за грядями хребтов и провалами ущелий. Солнце в тот день сделалось красным от пыли и оставалось таким всю зиму, всю весну и почти все лето.

Впрочем, Строителям не суждено было этого увидеть. В Астрале все еще бушевала небывалая буря. Пантократор метался в панике, они чувствовали биение его сознания. Сгустки энергии, высвобождаясь из оборванных каналов, разрывались разрушительными всполохами, порой достигавшими самой поверхности Астрала, того удивительного участка, где он переходит в реальность. Эта зона так давно была закрыта для любого вмешательства, что Строители даже растерялись.

Тем временем страшная находка ждала их – те трое, кто приводил орудие в действие, были мертвы: неведомая сила выжгла их астральные тела. Десятки каналов потянулись к недостроенной фигуре божества, их концы привычно коснулись пальцев его открытых ладоней. Затем еще два десятка, еще и еще. Поток безумия и страха захлестнул головы Строителей. Но и это еще не все: в правой части груди Пантократора дрожал, увеличиваясь с каждой минутой, какой-то плотный клубок каналов, поначалу совсем крохотный, но пожирающий фантастически много энергии. Сгусток вдруг перестал расти, застыл, и тогда колоссальной силы разряд прошел по рукам фигуры, через пальцы и нити. Свет Разума померк для Строителей навсегда. Их тела так и остались лежать в своих нишах, укрытые одеялами, в поселении, на обдуваемом холодными ветрами склоне, затерянном где-то в сердце пустынной горной страны. Избежавших смерти было двадцать семь. Десять человек не успели коснуться Пантократора, еще сем-

надцать оборвали связи, вовремя заподозрив неладное. В ужасе метались они, стремясь избежать гибели от всполохов энергии. Внутри фигуры тоже были заметны вспышки – казалось, что там воцарился хаос. Основание фигуры озарялось изнутри, сначала редкими огнями, потом их становилось все больше, и наконец они слились в сплошное марево. Знания и память Строителей, копившиеся на протяжении жизни многих поколений, сгорают за считанные мгновения.

Справившись с первым приступом страха, немногие выжившие собрались на безопасном расстоянии от загадочного источника бушующей стихии. Астральные каналы с дрожью потянулись друг к другу, образуя крохотную неровную сферу – все, что осталось от великого народа. В центре сферы расположился самый опытный из выживших – навигатор До-Ру-Шо.

– Как сумели мы создать такого демона?! – вопрошал он.

– Ему страшно, – возразил один из Строителей, – голод и страх разложили его.

– Он еще недостаточно разумен, чтобы отличать добро от зла, – заметила юная Пу-Ци-Хи.

– Смотрите, один канал не разрушен, – сказал кто-то.

И точно, одна сверкающая нить все еще пульсировала среди разрывов энергии. Был еще один выживший. Станным казалось то, что канал соединялся не с пальцем Пантократора, а вел прямо к груди, вращая в нее прямо там, где виднелся странный сгусток. Пантократор, очевидно, не пытался выжечь этого Строителя. Медленно начали они подбираться к тому месту, где должен был находиться загадочным образом уцелевший человек.

– Смотрите, – снова тихо сказал кто-то.

Голова Пантократора раскрыла рот в беззвучном крике. Не раскрывая глаз, она отделилась от шеи и, вращаясь, медленно поплыла в сторону. Работа стольких лет рушилась теперь как ледник под лучами весеннего солнца.

– Безумец убил себя, – начал кто-то, но вдруг всполох энергии ударил в покинутую тело голову. Только теперь они поняли, что в недрах фигуры все это время шла борьба. Пантократор проиграл, но не сдался. Еще один всполох ударил в голову. Они бросились к тому, последнему, выжившему. Двадцать семь каналов вонзились в его астральную оболочку и принялись рвать ее на части.

Застать противника врасплох им не удалось – оболочка была пуста, и им пришлось быстро оторваться от нее: разряд, прошедший по астральному каналу из груди обезглавленной фигуры Пантократора, грозил испепелить их вместе с бывшим астральным телом злодея. Однако теперь они знали его имя. Это был Ау Фе Са, ничем не примечательный Строитель.

Занимался он распределением астральной энергии, проводил каналы, создавал резервуары, клапаны и шлюзы. Работа важная, но простая: за последние полвека это ремесло почти не изменилось. Еще Ау-Фе-Са был одним из последних, кто общался с варварами. Поскольку материальные тела Строителей тоже требовали кое-какой подпитки, раз в неделю несколько человек, наспех нагрузив мулов *зачарованными* инструментами, безделушками и всякой всячиной, отправлялись в долину, откуда варвары привозили им свои лепешки, орехи, сушеные финики и круги соленого сыра.

Строители были могущественны и могли бы забирать силой то немногое, что им было нужно, однако считали, что на это уйдет слишком много времени и сил. Поэтому каждую неделю в городок заходил караван мулов и низкорослых двугорбых верблюдов, груженных провизией и самыми обычными, *незачарованными*, изделиями низинных ремесленников, которые ровно через неделю предстояло обратить в сокровища. Заскорузлые, угрюмые погонщики торопливо разгружали своих животных, с опаской поглядывая на возлежащие в нишах неподвижные тела: им они казались мертвыми.

– Это он направил на нас болид, – сказал До-Ру-Шо. – Он мог тайно запасти достаточно энергии для этого.

– Но зачем?! – спросил кто-то. Этот вопрос остался без ответа.

– Сейчас он разделается с Пантократором, а потом убьет нас, как убил остальных, – с тревогой произнес молодой То-Ба-Ял.

– Нам придется уйти, – заключил навигатор.

– Куда? – спросил То-Ба-Ял.

– В глубины мироздания, в пучину Астрала. Туда он не сможет последовать за нами, потому что не знает дорогу. Из живущих, теперь ее знаю лишь я.

– Он обладает всеми знаниями Строителей, – возразила Пу-Ци-Хи.

– Ты видела разряды в основании фигуры? Когда Пантократор понял, что не в силах победить, он уничтожил архив наших знаний, чтобы они не попали в руки злодея.

– Значит, мы навсегда покинем наши земные тела? – спросил То-Ба-Ял.

– Да, мы должны выбирать между смертью и уходом в глубины.

– Смотрите! – вдруг воскликнул кто-то. Сперва никто не понял, куда он показывает. Приглядевшись же, сквозь толщу астрального пространства они увидели на огромной прекрасной шее, некогда принадлежавшей так и не рожденному божеству, какой-то пупырышек, размером с крупную бородавку. Им пришлось прибегнуть к некоторым ухищрениям, чтобы разглядеть в этом наросте голову Ау Фе Са, выполненную не без портретного сходства. Лицо его выражало высокомерное презрение, а на затылке красовалась причудливая шапка, наподобие тех, которые носят вожаки варварских стай.

– Он хочет править варварами! – прокатилось среди Строителей. Их народ давно уже изжил в себе примитивное стремление к власти, и то, что открылось им относительно замысла Ау-Фе-Са, произвело на них такое же впечатление, какое могла произвести встреча с человеком, имеющим от рождения хвост или лицо, покрытое волосами. Этот человек вынашивал свой безумный план, вероятно, всю свою жизнь, оберегал его, как самка паука охраняет свой кокон. Ради уродливого и глупого стремления к владычеству, он уничтожил свой собственный народ и его мечту о божественном Разуме. Мысли эти ледяными искрами пронеслись в умах двадцати семи. Но теперь они знали, что нужно делать. Разрушив свою сеть, они закружились в безумном танце вокруг сверкающей молниями фигуры. Кому-то удалось перебить заслонку энергетического шлюза, и судорожные проблески молний заиграли в районе правого предплечья.

Ау-Фе-Са пытался жечь врагов всполохами своего огня – одним, другим, третьим. Он обладал колоссальной мощностью, но не был привычен к огромной астральной оболочке, а потому действовал слишком медленно. Отвлечшись на тех, кто носился в опасной близости от резервуаров с энергией, он не заметил, что астральная воронка затягивает в глубину обломки головы Пантократора. Когда же он понял это, было поздно – двадцать семь выживших Строителей уже устремились туда, где они смогут воссоздать разрушенное – восстановить честь и славу своего народа. Им не суждено вернуться к своим физическим оболочкам: их тела останутся замерзшими мумиями в заброшенном горном городке. Им не придется снова видеть горные вершины и слышать грохот обвалов. Но пока жива мечта, они остаются Строителями. Они уходят, но лишь для того, чтобы вернуться и одержать верх. Не ясно, как и не ясно, когда, но победа будет за ними – в этом не может быть сомнений. На их стороне знание и правда, а правда всегда побеждает. Но на это потребуется время. А как же бедные варвары? Ну что же, им придется потерпеть. Строители помогут и варварам. Позже.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Со скрипом отвалив разохшуюся дверь, Авик окинул быстрым взглядом все свое нехитрое хозяйство. Затем, набрав полную грудь весеннего воздуха, он запрыгал босыми ногами по обжигающе холодной мартовской росе. Дорожка, ведущая к сараям, была слишком скользкой, поэтому приходилось пробираться вдоль кустов шиповника, избегая разбросанных под ними засохших веточек. Земля, еще хранившая зимний холод, щипала пятки так, что добежав до курятника, он совершенно проснулся. Под стоящим на деревянных колодах сарайчиком масляно поблескивала большая темная лужа. Чтобы не замараться пометом, Авик натянул на замерзшие ступни грязные плетеные туфли. Он резко откинул створку и просунул голову внутрь, чем вызвал шквал возмущенного кудахтанья проснувшихся наседок. Узнав хозяина, птицы успокоились и гурьбой направились к кормушке. Убедившись в том, что проса довольна, он приоткрыл запертую на крючок дверцу в маленький огороженный палисадник. В ту же секунду, нервно откидывая назад головы на тонких шеях, две птицы выбежали наружу, вероятно, опасаясь того, что другие смогут опередить их. Авик выплеснул курам содержимое грубой глиняной поилки, затем вычислил опытным глазом белеющее в соломе свежеснесенное яйцо и отправился за водой к колодцу. Прыгая по двору с ведерком, он неожиданно обнаружил, что дверь на сеновал не заперта на задвижку. Взявшись одной рукой за деревянную щеколду, он собрался было запереть ее, но зачем-то заглянул внутрь и замер.

Из копны сена на него глядели две худощавые ступни, торчащие из разматывшихся онучей. Пока Авик удивленно глядывался в эту картину, одна ступня успела задумчиво почечать другую довольно длинным и не очень чистым ногтем. Тем временем глаза его привыкли к полутьме, и тогда в глубине амбара обнаружилась наполовину засыпанная сеном белобрысая голова, а кроме того, стало очевидным наличие как минимум одной вальяжно откинутой руки. Поставив поилку, Авик поднял с земли покрытый росой пруттик, и стряхнул холодные капли на ничего не подозревающие пятки. Незваные гости немедленно скрылись в сене, и как бы подтверждая свою связь с ними, рука вползла куда-то в недра копны, а голова обиженно забормотала и нехотя разлепила один глаз.

– А-а, вот и ты. Доброе утро! – произнесла голова, открыв второй глаз. Затем из-под сена вновь появились пятки и две длинные руки, которые, впрочем, более не претендовали на независимость, оказавшись частями тела долговязого юноши, который, легко выпрямившись, слез с копны и теперь переминался с ноги на ногу, отряхивая застрявшие в волосах соломинки.

– Ух ты, Хура! Что ты тут делаешь? – обрадовался Авик.

– По делам из города прислали – ответил гость, затягивая длиннополую робу изящным шелковым поясом.

– Что же это за дела у тебя на моем сеновале? – удивился Авик. Хура нетерпеливо махнул рукой.

– Глубокой ночью уже добрался, решил тебя не будить. Думал, вдруг это вообще не твой дом окажется, а если я хозяев разбужу, то они только разозлятся и ночевать меня не пустят. Совсем темно было, – простодушно объяснил Хура, потягиваясь. – Прости, что не предупредил, но у тебя ведь даже *живого окна* нет.

– Не обзавелся пока, – признал Авик, – но ты зря волновался, тут, на хуторах, народ не злой. Поднимемся в дом, позавтракаем? У меня как раз окорок завалился.

Через несколько минут приятели уже уплетали за обе щеки яичницу со свиной, помогая себе кусками ржаного хлеба.

– Чем ты сейчас занимаешься? – спросил Хура.

– Да вот, дом бабушкин поправил, крышу переложил, хлев чиню – скотину хочу завести. Так что за дела у тебя в нашей глуши? – вспомнил про свой вопрос Авик.

– У твоих соседей несчастье, помер кто-то. Следопытам зачем-то понадобился маг для осмотра тела. Это только вчера случилось, так что это пока все, что я могу сказать. Хочешь, пойдем со мной, там наверняка твоя помощь понадобится. Если не мне, то... ну, сам понимаешь. Ну и поговорим по дороге, я тебе последние новости расскажу.

– Я схожу с тобой, пожалуй. Сейчас, только кур сначала запрю, а то хорей в округе последнее время развелось. Вернувшись со двора, Авик скинул крестьянскую сорочку, облачился в длиннополую робу мага, перепоясался и натянул сапоги.

Солнце слепило глаза сквозь кроны деревьев, когда путники, весело болтая, миновали лесную опушку, пересекли торговый тракт и подошли к резным воротам большого хутора. Два молоденьких деревенских стражника изнывали от скуки возле коновязи. Окосевший после зимней спячки суслик глазел на них с безопасного расстояния, взобравшись на кочку, покрытую желтой сухой травой. Чтобы хоть как-то развлечь себя, стражники вяло метали в него ягоды прошлогодней рябины. Зверек отвечал им свистом, отбегал, но затем возвращался обратно на свой наблюдательный пункт. Три казенные лошадки лениво паслись чуть поодаль.

– Вы для осмотра прибыли? – поинтересовался один из стражников, робея при виде магов, – грамоты у вас при себе?

Хура торжественно открыл заплечный мешок и протянул стражнику грамоту.

– Ааа... вот?.. – спросил тот, указывая глазами на Авика.

– Его Мудрейшество предпочитает действовать инкогнито, – таинственным полупшепотом ответил Хура. Авик чуть заметно кивнул головой и значительно прикрыл глаза. Стражник, конечно, узнал Авика (да и как было не узнать) и прекрасно понимал, что никаким городским магом Авик не является. Однако, получив столь интригующий ответ и испытывая смущение перед городским гостем и его грамотой, он изобразил что-то вроде поклона с пируэтом, чуть не стукнув при этом ногами о коновязь. Затем все трое проследовали внутрь ворот.

Оставив застенчивого стражника на крыльце, друзья, с усилием сдерживая смех, вошли в дом. Впрочем, стоило им переступить порог, как веселье само улетучилось. Это было безмолвное жилище, замершее и тихое, словно напуганный кролик, затаившийся на краю луговины. Усопший лежал на лавке в просторной горнице. Из-под покрывавшей его простыни виднелись только ноги в изорванных в клочья кожаных сапогах. На той же лавке, сгорбившись, сидела женщина в крестьянской одежде. Из-под пестрого платка выбивались растрепанные седые волосы. У занавешенного окна, повернувшись лицом к комнате, стоял невысокого роста человек. Даже встав на цыпочки, он доставал бы лишь до плеча долговязого Хуры. В то же время он был коренаст и упитан. Когда он сделал два шага навстречу вошедшим, Авик обнаружил на его лице, черную с проседью стриженую бородку, скрывающую скошенный назад подбородок, и два крупных, косящих в разные стороны, темных и очень подвижных глаза.

– Очень рад, очень рад. Наконец-то! – поприветствовал он магов приглушенным голосом. – Ну что же, приступим? Сперва я должен ознакомить вас с обстоятельствами. Итак, в общем, покойный, – с этими словами он покосился на вдову, в середине зимы отправился на заработки. Несколько месяцев от него не было никаких сведений, а теперь вот... – тут он энергично кивнул в сторону мертвеца. – На теле присутствуют явные следы применения магии, вероятнее всего, неизвестной и перманентной, а это, как вы знаете, строжайше запрещено во всех владениях княжества. Последнее такое преступление было совершено еще до изгнания племени Черных Куниц.

Сыщик перевел дух. Его глаза горели восторгом охотничьей собаки, нашедшей медвежью кучу.

– Предлагаю начать осмотр. – Он встал у изголовья и протянул было руку, чтобы отвернуть простыню, но тут же отдернул ее. – Я прошу прощения, – сказал он, немного помявшись, – не хочу показаться невежливым по отношению к ученым людям, однако почему вас

двое? Наставник, с которым я вчера имел честь беседовать, обещал прислать только одного послушника. Могу я видеть ваши грамоты?

Еще через секунду он беседовал с Хурой, деловито придвинувшись и поглядывая на Авика то одним, то другим косым глазом.

И где же его грамота? Ах, он сосед. Но почему он одет в робу с шелковым поясом? Ах, он изучает магию? Ах, он изучал ее раньше... Сыщик сделал паузу. Его глаза остановились, и теперь, казалось, смотрели куда-то в углы комнаты по обеим сторонам от покрасневшего Авика.

– Это я позвал Авика, он будет мне помогать, – сказал Хура неуверенно.

– Здравствуй, Авик, хорошо, что ты пришел, – медленно произнесла женщина, поднимая глаза, – может быть, тебя и твоего друга надо накормить?

– Спасибо, тетушка Диса, мы недавно позавтракали, – ответил Авик. – Мне очень жаль, – он кивнул головой в сторону тела.

Сыщик слушал их, недовольно поджав губы. В его косых глазах не убавилось подозрительности. Он как будто разрывался между намерением провести немедленный осмотр тела и желанием подвергнуть дальнейшему допросу уже и так вспотевшего юношу.

– В таком случае я попрошу вас подождать снаружи, – произнес он, но тут же передумал. – А впрочем, нет, напротив, я настаиваю, чтобы вы присутствовали при осмотре, раз это поможет господину послушнику, – и, вперив в Авика свой левый глаз, он попытался изобразить улыбку, обнажив желтые неровные зубы.

– Итак, приступим, – продолжал сыщик, снимая простыню с тела.

Авик и Хура отшатнулись назад. Трупные пятна уже проступили на лице и руках покойника, на месте рта чернел огромный сгусток спекшейся крови. Обнаженный торс местами обгорел и даже обуглился. Выждав минутку, чтобы побелевшие от страха юноши пришли в себя, сыщик сперва обратил их внимание на волосы на лице и руках покойника.

– По словам родных, при жизни они никогда не были так густы.

Сами волоски стали необычно волнисты и неравномерно окрашены. На каждом волоске – по три белых полосы, которые перемежаются с черными. Затем перешли к зубам, которые почему-то приобрели коническую форму. Фаланги пальцев покойного были укорочены, а ногти почернели и заострились.

– Посмотрите на эти ладони. При жизни он, конечно, не был белоручкой, но таких мозолей нет, наверное, даже у галерных гребцов. Надеюсь, вы согласитесь, что оснований подозревать применение перманентной магии более чем достаточно, – произнес следопыт с трагической торжественностью.

Женщина всхлипнула. Сыщик на время прекратил разглагольствовать и снова поджал губы, изображая уголками рта скорбь и неловкость.

– Нам нужно открыть и изучить его Астральную карту, – мягко сказал он ей, исподтишка разглядывая Авика. Женщина кивнула головой. – Вы должны сообщить этим ученым людям Тайное Имя вашего мужа. Помочь или навредить ему уже ничто не в состоянии, но мы сможем установить причину его смерти а, может быть, и найти виновных. – Произнося слово «виновных» он угрожающе нахмурил брови.

– Да, да, я все понимаю, – ответила женщина бесцветным голосом, – его звали Сутур Беклейарац.

Сыщик деловито повернулся к Хуре. Тот уже достал из заплечного мешка дощечку из слоновой кости и мешочек с рунами. Встав на одно колено и расположив дощечку на скамье, мальчик принялся раскладывать на ней руны. Закончив, он провел над картой руками. Потом он закрыл глаза и затих. Минута прошла в ожидании, за ней – вторая. Ничего не произошло.

– Карта не открывается, – наконец сказал он. – Сутур Беклейарац, Сутур Беклейарац, Сутур... – принялся бормотать Хура, перепроверя снова и снова костяные квадратики. – Руны составлены правильно, значит что-то не так с Именем.

– Сорок лет, – ответила женщина, прикрыв глаза, – сорок долгих лет! Я не могу ошибаться.

Сыщик открыл рот, но не найдя что сказать, тут же закрыл его и помрачнел.

– Возможно, что разложение зашло уже слишком далеко и Астральная Карта частично разрушена, – засомневался Хура. – Мы можем изучить внешний край его карты при помощи *сутр Минаса и Себя*. Перманентное заклинание наверняка расположено где-то на внешнем крае карты, и если нам повезет, его еще удастся установить.

Он вытащил небольшой фолиант, раскрыл его на нужной главе и кивком головы подозвал приятеля:

– Как сутры читать, помнишь?

Авик с сомнением покачал головой.

– Да ничего сложного нет, – быстро сказал Хура, тыча пальцем в страницу – вот раздел для двух магов, ты будешь читать правый столбец, я – левый. Давай, начинай с первой.

Авик прочитал сутру, а Хура тут же ловко перевернул деревянный прямоугольник с вре-
занным в него набором песочных часов разного размера. Они сосредоточенно следили за тем, как падал песок. Как только астральное эхо колыхнулось где-то между затылком и позвоночником, Авик положил часы на бок, так что песок перестал сыпаться.

– Вот видишь, ты везучий, – объявил Хура, – тринадцать сет. Комбинация Рош-Сул на внешнем крае есть. Одинарное было эхо?

Авик кивнул. Хура достал чистый лист пергамента, разлиновал таблицу и поставил точку в нужной клетке.

– Проходим двойные комбинации рун, а потом для тех, что найдем, проверяем тройные, ясно? – скомандовал Хура. Авик снова кивнул, и они принялись читать сутры. В горнице повисла напряженная тишина, прерываемая лишь сосредоточенным сопением Хуры и шуршанием песочных часов. Авик тоже сел на колени и бесшумно читал сутры, слушал астральное эхо, чертил на куске пергамента руны, снова читал, слушал, чертил, чертил и чертил.

Авик думал об Астральных Картах. Карта напоминает срез луковицы. В центре ее располагается Тайное Имя человека, а к нему примыкают те перманентные чары или, если хотите, Рунические Имена, которые чародеи наложили на него в детстве. Обычно они связаны с ростом и здоровьем. Потом на карте обычно располагаются чары, накладываемые в юности – они дают молодому человеку силу, ум, красоту. За ними следуют чары зрелости, помогающие стать умелым охотником или искусным ремесленником. На Астральных Картах крестьян можно было найти Рунические Имена, дающие способность понимать потребности растений, предсказывать погоду, или наделяющие навыками лечения скотины. В старости многие люди получают руны, улучшающее их зрение и самочувствие.

– В своей недавней речи Его Высокогогущества грандмаг Рамис Ацетус сравнил Астральную Карту с годичными кольцами дерева, – в такт его мыслям зазвучал приглушенный голос сыщика. – Чем дольше живет человек, тем больше колец приобретает его Астральная Карта. – Сыщик выдержал эффектную паузу и продолжил, – Сколько все-таки мудрости в этих словах! Я был удостоен чести присутствовать при этом блистательном выступлении...

«Он болтает оттого, что ему стало скучно, или он решил что-то выведать у несчастной Дисы? – раздраженно думал Авик, не отрываясь от чтения очередной сутры и не поворачивая головы. – Приехал из города и думает, что он светоч. Не такие уж мы дикие на наших хуторах, чтобы нам пыль в глаза пускать». – Он попытался вновь сосредоточиться на черчении.

– Сейчас молодые люди исследуют внешний край с помощью временных заклинаний – донесся до него серьезный шепот, – Одно за другим они накладывают заклинания на короткий

срок и смотрят, как скоро они отвалятся, если быстро – значит, такой комбинации рун на карте нет, если же, напротив, заклинание останется надолго...

– Не «они отвалятся», а «возвратится астральное эхо», – не выдержал Авик и повернулся к говорящему. Он хотел уже высказать приезжему следопыту все свои соображения по поводу мудрости и древесных колец, но застыл с открытым ртом: между сыщиком и вдовой на лавке сидела худенькая темноволосая девушка. Ее здоровый румянец на щеках и белая кожа лица контрастировали с темными кругами вокруг глаз и печальной складкой больших губ. Видимо, девушка проскользнула в горницу, пока Авик был погружен в черчение. «Надо же, Мавка стала такой красавицей!», – подумал он. Не выдержав взгляда Мавки, он смущенно перевел взгляд на сыщика. Брови разговорчивого следопыта на пару секунд встретились у переносицы, чтобы, немного побыв рядом друг с другом, вновь расплзлись по местам.

– Простите моего невежества, сударь, – подобострастно забубнил сыщик, кося по стономам и шлепая губами, – я всего лишь хотел рассказать этой юной особе, как продвигается расследование смерти ее бедного батюшки.

Авик вернулся к черчению. Сыщик продолжил что-то бубнить, но юноша больше не слушал его. Солнце уже почти садилось, когда чертеж был кое-как закончен. Они с Хурой сравнили получившиеся карты и свели все знаки воедино. Сыщик привел деревенского мага – сгорбленного тугого на ухо старика, и они втроем взялись за проверку заклинаний. Старик не отличался твердой памятью и не помнил собственной работы, поэтому недоверчивый Хура лазал по своим фолиантам почти за каждым незнакомым Руническим Именем. Только глубокой ночью, при свете зажженных магами холодных огней, работа была завершена. Друзья валились с ног от усталости и разочарования. Их усилия оказались напрасными. Все Имена на внешнем крае были обычными деревенскими чарами. Конечно, старик не помнил точного их расположения на карте несчастного Атрака, однако ни одно Имя не насторожило ни его, ни Хуру. В конце концов, зевая и потягиваясь, старый колдун вышел в сени, и через минуту оттуда донесся его свистящий храп. Сыщик нервно бегал из угла в угол, теребя бородку и вращая глазами. Обессилевшие маги перешли в избу и сели напротив печи. Темноволосая Мавка принесла им краюху хлеба, головку сыра и две кринки чуть теплого молока.

– Может, это укус оборотня? – предположил Авик, сонно пережевывая свою порцию и провожая взглядом Мавку.

– Укусы оборотней – тоже перманентная... – Хура уже не мог раскрыть слипающиеся глаза. – Мы бы не пропустили... – Через минуту он уже равномерно сопел, сидя на лавке. Авик перетащил его на полати, устроился рядом и тоже уснул, укрывшись овечьими шкурами.

Ему снилась та солнечная осень, когда он с котомкой за плечами покинул родной хутор. В котомке лежала новенькая роба, которую он выменял у проезжего торговца, и шелковый пояс – перешитое бабушкино приданое. Бодро разгребая ногами сухие желтые листья, он двигался к тракту. Почти каждую минуту он оборачивался и махал бабушке рукой, чтобы она шла уже скорее в дом. Однако бабушка все стояла перед калиткой, глядя ему вслед, и от этого взгляда у него вставал ком в горле и хотелось плакать. Так он и ушел тогда – а когда вернулся, бабушки уже не было.

По деревенской привычке проснулся Авик на рассвете. Хура беспокойно ерзал всю ночь, но под утро угомонился и чуть слышно бормотал что-то во сне. Сыщик по-солдатски похрапывал на лавке, – он спал, не сняв сапог и нахлобучив тяжелую меховую шапку, так, что из-под нее виднелись только его мясистый нос и борода.

Авик тихонько выскользнул из-под овчины, спрыгнул на пол и, прихватив свои сапоги, на цыпочках вышел наружу в рассветную полумглу. На крыльчке Мавка, ее мать и старичок-колдун завтракали перловой кашей из дымящего горшка. Отодвинув в сторону внушительных размеров кринку с медом, престарелый маг жестом пригласил Авика присоединиться к их трапезе.

– Ну што-ш ты не ужинал-то вчера? И как-ш это ш нашего Атрака-то так покалечили? – прошамкал он, выждав пока Авик прожует одну-другую ложку каши. Тот в ответ лишь беспомощно пожал плечами.

– Ээх.., – потянул старик, – в старые-то времена, пока Куницы по лесам рыскали, тут бы весь цвет городской собрался, и стар и млад, вся Школа бы билась над этой чертовщиной, что на этом хуторе происходит, а сейчас – пришлала двух учеников желторотых, и вот на тебе...

Мавка ойкнула. Старик гневно замахал на нее руками. Чуть не подавившись горячей кашей, Авик быстро проглотил свою порцию и сбежал к колодцу, подальше от ворчливого старика. Скинув робу, он облился ледяной водицей, растер дубеющие лицо и плечи, протер глаза, подергал себя за уши. Посвежевший и повеселевший, он потопал обратно в дом будить Хуру, но только завернув за угол, нос к носу столкнулся с Мавкой. Ее просторное платье и волосы отсвечивали золотым ободком в лучах утреннего солнца. От этого она казалась еще тоньше и прозрачнее чем вчера, когда Авик увидел ее в первый раз.

– Послушай, Авик, – начала она задумчиво, – то, что случилось с папой, очень странно. Он пропал еще несколько месяцев назад, и мы почти уже смирились с утратой, но встретить его в лесу... в таком виде! Он умер совсем недавно – а что было с ним до этого? – У нее на глазах навернулись слезы, – Я хочу... мне очень важно знать, что с ним произошло на самом деле. Ты уверен, что вы сделали все, что могли?

– Я думаю, да... Но мы всего лишь ученики, – неуверенно сказал Авик, – а когда за дело возьмется настоящий опытный волшебник, он обязательно поймет, что к чему.

Мавка повернула голову. На опустевшее крыльцо выкатился помятый и заспанный сыщик. От его вчерашнего возбуждения уже почти ничего не осталось. Потягиваясь, он продолжал говорить, обращаясь кому-то в доме: «Видите ли, применение перманентной магии – это, по сути, преступление против власти государя, почти что военная измена, тогда как умерщвление простолюдина, не будем преувеличивать, – это всего лишь банальное убийство. Само собой, оно должно расследоваться, но все же не силами городского следопыта. – Тут он сделал значительную паузу. – Так что этим займутся местные стражники: я распоряжусь, чтобы подобрали кого потолковее».

За ним в дверях показался такой же заспанный и помятый Хура. Подойдя ближе, он виноватым голосом обратился к Авику: «Этот человек хочет, чтобы вы в город с нами ехали, она как свидетель, а ты как ассистент... в общем – как мой ассистент». Авик для виду составил кислую физиономию, но не слишком усердствовал: ему почему-то вдруг захотелось поехать в город вместе с Хурой и Мавкой.

Через час они уже тряслись в тесной повозке, запряженной четверкой княжеских лошадей. На полу, зажатый длинными ногами Хуры, возвышался узел с «уликами», – так обозначил его содержимое сыщик. Сославшись на дела, он ускакал вперед на своей холеной кобыле, такой же коренастой и упитанной, как и он сам. Один стражник сидел на козлах, другой – ехал на тощей кляче позади повозки.

Мавка, ни разу не покидавшая окрестностей своего родного хутора, нервно теребила непослушный кудрявый локон.

– А это, правда, могут быть Черные Куницы? – спросила вдруг она.

Авик напряг все свое соображение, чтобы дать ответ, достойный робы ученика волшебника, однако Хура опередил его.

– Черные Куницы – мохнатые лесные чудовища, – сообщил он, делая страшные глаза, – они живут на деревьях и ставят в лесу капканы, чтобы ловить в них людей. Они очень не любят, когда кто-то охотится в их владениях. А еще они воруют непослушных детей, забредающих слишком далеко в лес.

Мавка нахмурилась: такого рода сведения могла бы сообщить любая деревенская старуха. Девушка отвернулась и стала смотреть на плывущие мимо стволы деревьев. Хура пред-

принял несколько попыток возобновить разговор, но быстро сдался. Большую часть пути они проделали в молчании, прерываемом цоканьем возницы.

Когда пришло время привала, стражник управлявший повозкой, свернул с тракта на проселок и выехал на некошенный луг. Кони рысцой вбежали в желтый сухостой, доходивший им почти до самой груди. Когда трава зашуршала по днищу и навязла в колесах, повозка остановилась. Земля здесь была кочковатой, и если приглядеться, между снопами пожухлых метелок виднелись чуть заметные, словно полосы зарастающих шрамов, просветы. Редкие кусты чертополоха, высотой почти в человеческий рост, величественно возносили свои почерневшие за зиму колючие шарики над светлым, чуть колышущимся на ветру, злаковым морем.

Стражники разнуздывали коней, а юноши соскочили на землю и вытоптали небольшую площадку. То и дело здесь попадались кочки и найти ровное место стоило большого труда. Мавка расстелила вместо скатерти свой платок и разложила на нем их скромный полдник, состоявший из репы, хлеба и яиц. Авик сбегал к ручью и принес несколько кружек воды.

Стражники неподалеку уже жевали свои харчи, присматривая за пасущимися лошадьми. Ребята принялись за еду, когда вдруг Мавка вскрикнула и вскочила: с того места, куда она в задумчивости выкрошила мякиш своей краюхи, бросился наутек какой-то темный комочек. Хура, издав воинственный вопль, устремился в погоню. В два прыжка он достиг края вытоптанной ими полянки и накрыл обеими ладонями зверька.

– Тайнственный похититель крошек пойман, – провозгласил он голосом городского глашатая, – вообще-то, это обычная полевка, она еще и брыкается, – добавил он уже нормальным тоном. Держа свою пленницу зажатой в ладонях, он поднес ее к мавкиному лицу и немного растворил пальцы, так что в щель между ними немедленно высунулись длинная мордочка и деловитая лапка.

– Я не боюсь мышей. – С улыбкой сказала Мавка. – Какая она симпатичная! Давай дадим ей хлебных крошек.

Хура был готов играть во все игры. Он посадил мышь в свой сапог, насыпал туда крошек и принялся строить шуточные планы о том, как он научит ее делать цирковые трюки и будет показывать за деньги в уличном балагане.

– Слушай, Хура, а почему у твоей мыши рожки? – спросил Авик, заглядывая в сапог. Он предполагал, что это очередной розыгрыш. Но Хура очень удивился.

– Какие еще рожки? – Мышь тут же была извлечена за хвост из сапога и подвергнута тщательному осмотру. Сомнений быть не могло – между ушами виднелись два маленьких роговых бугорка.

– Это ведь твоя работа? – переспросил Авик и объяснил Мавке, что установить мыши рога – это обычное упражнение, одно из первых в классе наложения чар и перманентной магии. Кишаус – Истинное Имя, обозначающее «рог», устанавливается на Астральную Карту мыши, и тогда у нее появляются такие бугорки.

– Странно, – говорил Хура, становясь все серьезнее. – Я этого не делал. – Он закинул мышь обратно в сапог и достал мешочек с рунами. Через минуту Карта полевки была раскрыта.

– Кишауса там уже нет, карта совершенно пуста, – озадаченно сказал он. – Как будто кто-то заколдовал эту мышь, а потом снял свои чары. Выросшие рожки остаются на какое-то время, а потом пропадают... – А как он узнал Тайное Имя этой полевки? – вполголоса спросила Мавка.

– У полевков одно имя на всех, Гушикаш, – ответил ей Авик. Услышав свое Имя, мышь занервничала и попыталась выскочить из сапога. – Это люди придумали давать друг другу различающиеся имена, которые защищают наши карты от вмешательства враждебных колдунов, так же, как замок защищает дом от воров. А у бедных мышек и других животных нет такой защиты. За исключением, конечно, боевых коней или, скажем, любимых собак, которых

хозяева тоже хотят защитить от магии. Не зная их Имени почти невозможно раскрыть Карту. Поэтому-то Тайные Имена и следует держать в таком секрете, чтобы...

- Мы должны взять эту мышь с собой, – перебил его Хура.
- Ты поедешь в одном сапоге? – усмехнулся Авик.
- В кружку посажу, – без улыбки ответил тот.

Почти на закате, повозка вкатилась в ворота столичного города Хорива. Мавка во все глаза разглядывала могучие крепостные стены, глубокие рвы, черные от дегтя частоколы, резные терема ремесленников и роскошные каменные дворцы вельмож. На освещенных холодными огнями улицах уже заканчивалась торговля. То здесь, то там мелькали меховые шапки северян, тюрбаны и пестрые халаты жителей юга, покачивались в седлах степняки с лунообразными лицами и жидкими бородками. Один из степняков, издали завидев мальчишеские лица, перестал убирать товар и, достав из ножен прекрасный меч с рукояткой, украшенной головой тигрогрифа, сделал с ним несколько выпадов. Голубоватый клинок, легкий, как язык пламени, со свистом рассекал сумеречный воздух. Стражник, правивший повозкой, остановился было, чтобы поглазеть на чудесный меч, выкованный, наверняка, в Долине Железных Мельниц, однако торговец уже успел рассмотреть одежду и упряжь путников и понять, что это не те покупатели, ради которых стоило так стараться. Сложив губы обиженной гармошкой, он уже торопился убрать драгоценное оружие обратно в ножны.

Навстречу им мчались роскошные экипажи, сопровождаемые всадниками в богатых доспехах, скрипели крестьянские телеги, запряженные волами или мулами, блестели ажурными спицами двухколесные самоходки.

Выросший из временной крепости кочевников, построенной и брошенной во время одной из их бесконечных междоусобиц, город Хорив был заселен пришельцами с запада, и мало по малу начал богатеть, собирая пошлину с проезжающих через него торговцев. Город стоял на пересечении торговых путей, здесь по волнам могучего Реебора проходила главная речная дорога, ведущая в Южное море, откуда открывался путь к воротам Вечного Города, блистательной столице Империи. Удаленное и от восточных степей, и от могучих государств юга, Хоривское княжество, по существу, никогда не знало иноземного владычества. Князьям удавалось либо откупиться от захватчиков, либо в союзе с соседними, такими же небольшими княжествами, отбивать набеги врагов. Гордостью города, безо всякого сомнения, была Школа Магии. Основанная четыре с лишним века назад, она несколько уступала своей славой подобным школам блистательных столиц, но зато имела свой собственный источник магической энергии. Обнаруженный в заброшенных подземельях, неиссякающий Резервуар позволил школе стать гордостью города, а самому Хориву – центром магии всей бескрайней Лесной Страны...

Наконец повозка заехала на территорию казенного постоялого двора. Имелась там и внушительных размеров конюшня. Чтобы размять онемевшие ноги, Авик с Хурой стали помогать стражникам распрягать взмыленных коней. Отведя лошадей в стойло, они столкнулись с сыщиком, который вел с конюхом занимательную беседу о глазных болезнях. Теперь брюшко следопыта скрадывалось парадным камзолом с вышивкой, а на голове красовалась заливчатски заломленная набок меховая шапка. Завидев мальчиков, он всплеснул руками и захопотал:

- Как же вы узел без присмотра оставили? Воров-то в городе сколько!

Хура тут же выскочил на улицу, бросив поводья так энергично, что Авик едва поймал их. Через несколько мгновений он вернулся с узелком через плечо, широкой улыбкой на физиономии и Мавкой.

– Сквозь пыль дорог и конский прыг к вам прибыл сей мешок улик, – торжествующе срифмовал он, бросая сыщику свою ношу. Тот недовольно пожевал губами и поплелся наружу. Передав последнего коня конюху, все еще довольный своим поэтическим экспромтом, Хура, наклонился к Авику:

– Мне какая-то веточка за шиворот упала, я ее почувствовал, когда мешок тащил. Что-то никак не выпадает она, не сможешь достать?

Авик засунул руку ему за шиворот и стал шарить взад и вперед.

– Чего-то она шевелится, – вздрогнул он, отдергивая руку. Хура и сам почувствовал неладное. Стягивая с себя одежду и путаясь в рукавах, он так истошно вопил и извивался, что даже печальная Мавка засмеялась. Наконец, потрусив на вытянутых руках свою робу, Хура стряхнул на земляной пол конюшни здоровенную сороконожку. Та нервно помахала усиками, приходя в себя после встряски, и уползла под копну соломы. Хура погрозил ей вслед кулаком и принялся натягивать свою робу.

– Терпеть не могу насекомых, – с негодованием сказал он.

– Конский прыг, – вдруг поддразнил его Авик. Хура показал кулак и ему.

Несмотря на поздний час и усталость, путники должны были предстать перед советом. По словам следопыта, расследование дела о незаконной магии было чрезвычайно важно и не терпело отлагательств. Действительно, дело, очевидно, было редкое и сложное: Авик заметил, что даже выдавшие виды стражники украдкой провожали их любопытными взглядами.

Авик был рад снова побывать под знакомыми сводами Школы Магии. Проходя под каменными арками, проводя рукой по почерневшим от времени расписным деревянным панелям, покрывавшим стены коридоров, он мысленно возвращался во времена своего недолгого ученичества. До начала совета оставалось еще немного времени, и Авик, отстав от своих спутников, свернул в боковой коридор и заглянул в учебный класс. К его удивлению в полутемном классе все еще шли занятия. На кафедре, в свете холодных огней оживленно жестикулировал наставник Одшу. В сумерках первых рядов зевали усталые послушники. Наставник был, во-первых, подслеповат, а во-вторых, слишком увлекался своими речами, поэтому был решительно не способен уследить за тем, что происходит в классе на расстоянии вытянутой руки от него. Авик понял, что соскучился по старику, и с улыбкой опустил на лавку.

– Магия служит людям и княжеству. – говорил Одшу. – Вы можете представить себе крестьян и ремесленников, вынужденных годами осваивать навыки своей профессии без помощи чародеев? А воинов, сражающихся лишь при помощи стрел, копий и мечей? Сколько тяжелой работы, изнурительных тренировок и утомительного обучения мы бы видели сейчас вокруг, если бы великий маг Шогест Брандот не разгадал тайну Астральных Карт и не поставил все народы от сумеречного Севера до блистательного Юга на путь развития и процветания! Теперь от нас, чародеев, зависит будущее городов и деревень, столиц и крепостей. Когда вы окончите свое обучение, вы будете открывать новые, еще неизведанные Истинные Имена и изучать их свойства. Каждый предмет, каждая травинка и каждое животное имеет неисчислимое количество измерений и граней, и не менее многогранны их Имена. Каждое из них, установленное на Астральную Карту человека, животного или неодушевленного предмета, даст множество эффектов, причем часть из них проявится далеко не сразу, а лишь с течением времени. Накладывая новые чары, мы должны выбирать Имя, которое даст полезное свойство, но не даст вредного. Я заклинаю вас быть осторожными, ведь поспешность и небрежение могут привести к непоправимым последствиям! Много лун назад было принято помещать на Карту новорожденного младенца Слово «Бранирош» – Истинное Имя морского моллюска с необычайно прочной раковиной. Такие дети очень быстро росли, имели крепкие кости и зубы. Однако впоследствии оказалось, что к зрелости у них развивалась слепота, а иногда и слабоумие. Но как было знать это заранее? – наставник развел руками. – Ведь маги проверяли все Имена сначала на животных, а потом на самих себе, но кто мог предположить, что злой рок нанесет удар по прошествии столь долгого срока? Теперь вы понимаете, какими осмотрительными и аккуратными мы должны быть в нынешние времена...

Кто-то положил Авику руку на плечо и с силой стиснул его.

– Ты чего, прячешься? – зло зашипел ему в ухо Хура. – Я тебя обыскался. Совет уже начался, пошли быстро.

Он вытащил Авика из класса и помчался по слабо освещенному коридору, едва избегая столкновения со стенами. Авик не отставал от него, потирая ноющее плечо. Запыхавшиеся, они влетели в такой же полутемный центральный зал Школы.

За длинным столом расположились две дюжины магов, вельмож и следопытов. Маги поприветствовали вошедших мальчиков, подняв открытые ладони с согнутыми безымянными пальцами, как это принято у волшебников. В центре собрания, откинувшись на высоком стуле, облаченный в просторную белую робу, восседал высокий, стройный старик с окладистой седой бородой, орлиным носом и благородными чертами лица. Узнав Его Высокомогущество, Авик поежился: он и не предполагал, что дело может быть настолько серьезно. Слушание уже началось, слово держал уже знакомый Авику косоглазый следопыт.

Несмотря на малочисленность собрания, он стоял в центре выложенной на каменном полу восьмиконечной звезды. Благодаря особой архитектуре сводов, голос человека находящегося в этой точке, многократно усиливался, отражаясь от стен и достигая самых дальних углов помещения. Следопыт волновался в присутствии высокопоставленных гостей, говорил заискивающим тоном, сбивался и был непомерно многословен. Скорбные лица слушателей говорили о том, что жалобный голосок, усиленный до громкости медвежьего рева успел им порядком наскучить. Трое магов на краю стола клевали длинными носами, каждый в собственном ритме, вместе напоминая механизм причудливой музыкальной шкатулки. Один пузатый вельможа откровенно похрапывал, свесив голову на грудь. Придворные следопыты сидели, вперив в подчиненного докладчика неподвижные рыбы глаза. Их песцовые шапки лежали на столе перед ними.

Косоглазый следопыт как раз заканчивал пассаж об исторических прецедентах применения незаконной магии на территории княжества и намеревался углубиться в описание быта крестьян, когда Рамис Ацетус наконец не выдержал и прервал его энергичным кивком головы.

– Я думаю, мы должны перейти к нашему делу, – сказал он, холодно улыбнувшись. – Итак, найдено тело с описанными вами... эээ... необычными повреждениями?

– Так точно, Ваше Высокомогущество.

– Кто его обнаружил?

– Девушка, дочь покойного.

Мавка вышла из сумерек бокового ряда на освещенный пяточок.

– Дитя мое, – мягко обратился к ней грандмаг и прищурился, – расскажи-ка нам по порядку, что с тобой произошло.

Из сбивчивого рассказа девушки следовало, что она нашла тело пропавшего отца в лесу во время сбора хвороста. Тело было еще теплым, но она едва узнала его из-за истощения, ожогов и странных густых волос.

– Когда ваш отец покинул дом? – хриплым баском спросил ее дородный рыжеволосый следопыт. – Не припоминаете ли вы каких-нибудь необычных событий в тот день или до этого?

– Папа каждую зиму ездил на заработки, – Мавка опустила голову, – он хотел накопить мне на приданое.

– Да-да, так поступают многие крестьяне, но не было ли чего-нибудь странного именно в этот раз? – повторил свой вопрос следопыт. Девушка задумалась.

– Нет, я даже не знаю, где папа подрабатывал в этот раз...

– Ну, это-то уж мы выясним... – поспешил вставить косоглазый сыщик.

– Теперь я бы хотел, – повысив голос, прервал его Рамис Ацетус, очевидно, опасавшийся нового витка косноязычного многословия, – послушать о результатах исследования Астральной Карты, эээ... пострадавшего крестьянина.

В центр звезды вышел Хура, почти что силой волоча за собой упирающегося Авика. Увидев их вдвоем, грандмаг нахмурился.

– Хура, кто это с тобой? – спросил он строго.

– Это Авик, мы с ним учились вместе в начальных классах. Он помогал мне с исследованием Астральной Карты пострадавшего методом Минаса и Себя. Мы выяснили полный состав Имен на внешнем кра...

– Уж не тот ли это Авик, которому я строго-настрого запретил появляться в стенах Школы? – остановил его волшебник. Повисло неловкое молчание.

– Да, это я, – просто сказал Авик, – но я пришел не как послушник, а как свидетель по делу об убийстве.

– Помнишь ли ты, за что ты был наказан?

– Помню, Ваше Высокомогущество.

– Хорошо, – сказал старый маг хмуро, – но после того, как разбирательство будет закончено, ты должен будешь навсегда покинуть эти стены. Я уже говорил это много раз и повторяю снова: изучение магии требует, прежде всего, прилежности и послушания. Дерзость и магия несовместимы. Запомните это и вы, послушник Хура. – добавил он с нажимом, а затем, повернувшись обратно к Авику, спросил со снисходительной полуулыбкой, – ну теперь-то ты согласен со мной?

– Нет, Ваше Высокомогущество.

Грандмаг поджал губы и побледнел. Его руки под расшитым балахоном сделали резкое движение, как будто бы сжались в кулаки. Хура застыл с открытым ртом. Напряженная тишина разбудила толстого вельможу. Вздохнув, как небольшой морж, выползающий на льдину, он приоткрыл свои маленькие глазки. Косоглазый сыщик тоже оживился и принялся ощупывать присутствующих своими косыми глазами.

– Рассказывайте, Хура, – сдавленным голосом приказал грандмаг.

Хура быстро пришел в себя и бойко отчитался о проведенном исследовании и его разочаровывающих результатах и тоже был прерван грандмагом в тот момент, когда перешел от изложения фактов к собственным размышлениям. Казалось, Его Высокомогущество хочет держать в своих руках каждое произносимое здесь слово. Тогда Хура извлек свою рогатую мышь и предъявил собранию.

– На этом животном имеются явные следы применения магии, причем легко узнаваемой и часто используемой при обучении, – сказал он. – Мы нашли эту мышь вдали от человеческого жилья, рядом с трактом, по которому должен был проходить погибший. На мой взгляд, это указывает на существование чародеев, изучающих магию вне стен Школы Магов Хорива, и весьма возможно, в преступных целях.

«Когда это он научился так ловко работать языком?» – подивился про себя Авик.

Кружка с мышью заскользила по рядам, пузатый вельможа бросил в нее несколько тыквенных семечек, один из придворных следопытов безуспешно пытался пощупать крохотные рожки указательным пальцем, за что и был немедленно укушен. Один лишь Рамис Ацетус не разделял общего оживления и задумчиво смотрел на Хуру. – Мне это очень интересно, – сказал он с расстановкой, – но чтобы делать такие далеко идущие выводы, надо бы иметь более значительные доказательства, чем эээ... фокус, который может проделать любой послушник. Разумеется, мы не будем закрывать глаза на подозрительные и тревожные обстоятельства, но пока достаточных оснований связывать эээ... гибель человека и зачарованную мышь, я не вижу.

– Ваше Высокомогущество, – раздался вдруг вкрадчивый голос косоглазого. – А не кажется ли вам тревожным обстоятельством то, что эта мышь была обнаружена в подозрительной близости от жилища вот этого Авика, бывшего, как теперь выяснилось, послушника, который, кстати, без официальной грамоты явился на осмотр тела? И ведь еще не известно,

не повлиял ли он как-нибудь на результаты исследования Астральной Карты убитого. А учитывая, прямо скажем, непростой характер подозреваемого, Ваше Высокомогущество...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мавка вскрикнула. Хура схватился за голову. «Ну я и влип, – подумал Авик, чувствуя, что волосы у него на голове шевелятся, а по спине ползет добрая сотня сороконожек, – а каков проныра этот косоглазый». – Он посмотрел на ничего не выражающее лицо Рамиса Ацетуса.

– Авик, – обратился к нему грандмаг, – это твоя работа? Мышь и погибший?

– Нет, Ваше Высокомогущество, я этого не делал, – заплетающимся языком ответил Авик.

– Поскольку дело приобретает... эээ... такой оборот, я попрошу тебя подождать за дверью, и не вздумай подслушивать, это тебе не игрушки...

– Распорядитесь приставить к нему стражника, а лучше двоих, – засуетился следопыт.

– Авик, ты ведь не сбежишь, правда? Тебе же некуда убегать, – снова спросил его грандмаг.

– Нет, Ваше Высокомогущество, – ответил он.

– Вот и ладно, давай быстро, час уже поздний.

Авик, еле держась на ногах, пошел к выходу из зала. Держась за стену коридора, он добрался до дубовой лавки и мешком рухнул на нее. Откинув голову назад, он внезапно услышал голос Одшу. Видимо занятие только что закончилось, и учитель в окружении учеников выходил из класса, по своему обыкновению, не прекращая чтения лекции.

– Развитие народов – величайший дар небес, и он возможен только благодаря магии. И хотя путь чародея тернист, мы должны идти этим путем во имя будущего процветания...

Какими далекими показались сейчас Авику эти напыщенные фразы! А ведь еще час назад у него от них дух захватывало. Однако теперь его судьба зависит от прихоти людей, сидящих в зале, и в особенности от разгневанного и непредсказуемого грандмага. Перед его глазами живо вставали зловонные казематы, каменные стены караульных комнат, допросы, хищные глаза следопытов и брезгливые взгляды магов. Там, по ту сторону беды, в глубине коридора, кто-то из учеников задал Одшу вопрос, однако эхо донесло до Авика лишь невнятное бормотание.

– Да, во времена расцвета Вечного Города это было действительно так, но сейчас это считается варварством по всей ойкумене от Хорива до... – звонкий голос Одшу сначала превратился в отдаленный шум, а потом и вовсе стих, оставив Авика наедине с его безрадостными мыслями. Снова и снова прокручивал он в голове события последних трех дней. Он вышел из замкнутого круга своих мыслей лишь тогда, когда обнаружил, что Хура радостно трясет его за плечо.

– Все в порядке, – затараторил он, – старикан все еще жутко зол на тебя, но он, нужно отдать ему должное, справедлив, и не стал верить напраслине. Он ведь понимает, что ты не мог этого сделать. Да и не знаешь ты такой магии, чтобы изуродовать человека и не оставить следов на его Карте. Однако сам ты, конечно, – хорош гусь! Зачем было спорить по пустякам? У него же на тебя старая обида. Сказал бы, мол, признаю, виноват, – да и дело с концом... Ха! А ты здорово струсил, как я погляжу, – личико у тебя бледненькое.

– Все не справедлив этот ваш грандмаг. Обычный злобный старикашка, – встряла в разговор подошедшая Мавка, – сначала он злился на тебя и готов был в острог бросить, а потом, когда этот бес косою принялся ему перечить, он рассердился на него так сильно, что только назло ему стал тебя выгораживать. Ему, да и им всем, совершенно безразлично, кто заколдовал папу. А Хура у этого гадкого старика похоже в любимчиках ходит и поэтому его так нахваливает!

– Тише ты, глупая, услышат, – зашикал на нее Хура.

Из зала, потягиваясь и разминая затекшие ноги, выходили члены совета. Молча шли придворные следопыты, зевая проколыхался пузатый сановник, семенили маги в длинных робах. Между ними величественно проплыл, глядя перед собой гордыми очами Рамис Ацетус.

– Как ты можешь называть злобным старикашкой такого выдающегося человека? – продолжил шепотом ругаться Хура, глядя на прямую как жердь спину удаляющегося грандмага. – Да ты знаешь, сколько он сделал для искусства Великой Игры, или Магии Откровения?

– А что же будет дальше с расследованием? – шепотом же прервал его Авик.

– Расследование прекращено.

– А как же смерть Атрака?

– Скорее всего, он попал в магический капкан Черных Куниц, оставшийся в лесах со старых времен.

– А мышь?

– Ну, это мог сделать кто угодно. Просто ради забавы.

Почесав в затылке, Авик поднялся с лавки, и они пошли к выходу.

– Его Высокомогущество, говорят, опять поссорился с Его Святейшеством, поэтому сейчас ему крайне некстати пришелся бы скандал с использованием запрещенной магии. Это может ударить по позициям Школы при дворе и вообще по всем магам княжества. Все духовные лица сейчас заняты праздником Равноденствия, поэтому их не было на совете. А если бы пришли – неприятностей нам было бы не избежать. Может быть, поэтому, он все делает в такой страшной спешке, – вполголоса продолжал Хура. – А уж если под подозрение попадает ученик школы, хотя бы и бывший, то тут уж вообще огромный скандал.

Они вышли на улицу и двинулись к постоялому двору. Было уже за полночь, и облака то и дело набегали на узкий серп старой луны.

– Конечно, грандмаг капризен, как и многие одаренные люди, – как бы вступился за бывшего учителя Авик, – но у него есть свои строгие правила, выполнения которых он требует от людей, и в первую очередь от себя самого.

– А я не согласна, – сказала Мавка, вздернув носик и поджав губы, – мне кажется, он просто не умеет держать себя в руках и не терпит, когда ему перечат. А ты, Хура, кстати, очень ловко косоглазого подставил: «Не хотите ли вы сказать, что Его Высокомогущество ошибается?»

Хура в ответ только хихикнул в темноте.

Несколько минут они в молчании шли по деревянным мостовым спящего города.

– И как же мы теперь будем искать тех, кто заколдовал папу? – спросила Мавка.

Хура чуть не поперхнулся от неожиданности.

– Ты что, разве не слышала? Расследование прекращено, всем наставникам и послушникам Школы запрещено этим заниматься. Слово грандмага – закон.

Мавка снова утихла. Авику показалось, что она шмыгает носом в темноте.

Шла третья неделя марта, в Хориве она называлась неделей Пробуждения Бога и считалась праздничной. Каждую полночь в одном из семи соборов города проводился обряд Поющего Камня. В последний день праздника, в полночь накануне весеннего равноденствия, пение всех храмов звенело над ночным городом оглушительным ансамблем, грозным и торжественным. Хура предложил сходить туда, где проводилось сегодняшнее священнодействие. Мавка неожиданно легко согласилась, и Авику, несмотря на усталость и пережитое волнение, пришлось идти вместе с ними – дорогу к постоялому двору в темноте он все равно бы не нашел.

Идти, к счастью, было недалеко. Площадь перед святилищем была заполнена народом. Обряд был в разгаре. Священнослужитель уже прочел проповедь, задал сакральные вопросы Звезде и Реке, воскурил фимиам и приступил к завершающей части таинства – молитве над осколком Поющего Камня. Протискиваясь сквозь толпу благочестивых горожан, Авик чувствовал, как сначала едва заметно, затем – все больше и больше набирая силу, вибрирует моще-

ная булыжниками мостовая – это камни отвечали молитве, вторили произнесенному над священным осколком, лежащим в золоченом ковчеге в Запретной комнате храма.

Высшая точка молебна застала их, когда они добрались до высоких дверей святилища – мостовая и каменная кладка самого здания издавали низкий, глубокий и чистый рев, пронзающий насквозь, согревающий тело, заставляющий дрожать что-то в кончиках пальцев и шевелящий волосы у самых их корней. Все вокруг, казалось, даже деревья и бродячие псы, застыли в оцепенении, пытаясь уловить едва заметные переливы, словно приборной волной вымывающие из сердца все дурное, что накопилось в нем за год. Вместе с этими волнами приходили в душу мир и успокоение. Молитва резко оборвалась на своей самой высокой точке – так с высоты обрыва разгоряченное тело ныряльщика входит в прохладную темную глубину. Площадь на несколько мгновений погрузилась в неестественную, почти осязаемую, густую тишину.

Зависнув в пространстве между выдыхающими пар людьми, безмолвие отступало и развеивалось клочьями, как туман – здесь от покашливания, там от трения металлической подковки сапога о булыжник. Горожане оживали, замелькали любопытные взгляды, послышался шепот, приглушенные смешки. Служба заканчивалась, и люди уже начали расходиться. Из дверей собора повалил народ. В разномастном потоке мелькали аквамариновые облачения священников, вышедших наружу, чтобы зажечь ритуальные холодные огни вокруг собора. Белые шары огней сверкали в ажурных светильниках, выполненных в форме Поющего Камня – куба, поставленного на вершину. Контраст черного металла и белого пламени заставлял снова вспомнить недавний молитвенный рев, мгновенно ставший тишиной. Теперь не звуки, а лучи света вызывали чувство внутреннего тепла, и от этого мурашки бежали по спине.

Окрыленные пением Камней, мальчики вприпрыжку понеслись на боковую улицу. Мавка едва попевала за ними. Возле самого угла они поравнялись с кучкой людей в черных робах. Простые крестьянские лица выражали покровительственное одобрение, словно весь обряд совершался с их благословения и никак иначе.

– Это у нас новая секта завелась, – шепнул Хура Авику, оттягивая его за рукав на середину улицы, – проповедуют отказ от магии, баламутят народ. По физиономиям узнаю этих ослов.

– Проводить вас на постоянный двор? – весело спросил он уже в полный голос.

– Проводить, – согласилась Мавка. – Но только не подумай, что я забыла, кто виноват в том, что папина гибель так и осталась тайной. – Хура только всплеснул руками.

– Ну, ты и упрямая девчонка, – огрызнулся он. – Да я здесь вообще ни при чем.

– А откуда взялись Поющие Камни? – чуть погодя спросила Мавка.

– Их принесли из старых заброшенных подземелий, – ответил Хура.

– Из Мароджара, – уточнил Авик.

– Да, и когда их оттуда поднимали, – Хура сделал страшные глаза, – произошло что-то настолько ужасное, что теперь никто в подземелья спуститься не осмеливается.

– И что же произошло? – спросила Мавка, не понимая, шутит Хура или нет.

– Это держат в строгом секрете, – таинственно ответил он.

– Некоторые каменотесы, говорят, так и не вернулись, – добавил Авик.

Мавка недоверчиво хмыкнула, но промолчала.

– Некоторые, правда, считают, что эти слухи распускают специально, чтобы народ не шастал к Резервуару, – уточнил Хура. – Очень может быть.

Они проходили мимо городской стены, когда откуда-то из темноты, им под ноги свалилось что-то, напоминающее мешок с брюквой. Путники попытались обойти его, но мешок вдруг подскочил и злобно заблестел в лунном свете так хорошо им знакомыми косыми глазами. От горе-следопыта несло спиртным, а в горле клокотало что-то похожее на рыдания. Камзол был изодран, а нос разбит. «Когда это он умудрился так надраться», – успел подумать Авик.

– Не видать мне теперь песцовой шапки, – раздался хриплый вопль, – а все из-за тебя, вонючий фигляр. – Когда он попытался ткнуть указательным пальцем в направлении Хуры, стало заметно, что в руке он все еще сжимает узел с уже бесполезными «уликами». Под тяжестью ноши его рука опустилась, описав неровную дугу.

Осознав помеху, следопыт с силой запустил узелок в сторону Авика, краем рта бросив ему неразборчиво: «Пджика». Он по-бычьему склонил голову и стал надвигаться на своего долгоязого обидчика. Узел, больно ударивший Авика в грудь, распался, и пожитки несчастного Атрака рассыпались по земле. Мавка вскрикнула – в руке следопыта зловеще сверкнул короткий широкий нож. Чистый блеск лезвия казался таким нелепым и неожиданным в сочетании с бессвязной речью, перекошенным ртом и грязью на одежде пьяного, что Авик застыл, как загипнотизированный. Однако Хура не растерялся. Быстро подняв горсть песка, он пробормотал над ней свое заклинание и бросил в лицо сыщику. Косоглазую голову окутала магическая мгла, не пропускающая ни света, ни звука. Следопыт сделал несколько неуверенных шагов и застыл, не в состоянии сориентироваться во внезапно окружившей его темноте и безмолвии. Через несколько мгновений он потерял равновесие и снова рухнул в подмерзшую грязь. Нож отлетел в сторону.

Поняв, что враг обезврежен, Авик бросился подбирать упавшую кровавую сорочку Атрака, разорванные крестьянские сапоги и грубые холщевые штаны с прожженными дырами. Простой бронзовый браслет он, надел себе на левое запястье, чтобы не потерять, а широким кожаным поясом погибшего подпоясался поверх своего, шелкового. Сыщик тем временем перестал барахтаться в грязи и притих. Хура потыкал его под упитанную спину носком сапога и, не дождавшись никакой реакции, снял свои чары. Следопыт спал пьяным сном, из его прокушенной губы и разбитого носа на землю капала кровь, смешанная со слюной. Хура устало вздохнул.

– Давай хоть дотащим его до ближайшего порога, – сказал он Авику, – на дереве не замерзнет. Хоть и подлец, а живая душа.

Вдвоем они взвалили пьяного на плечи и с трудом понесли к ближайшему строению. Привалив казавшуюся безжизненной тушу к чьему-то крыльцу, мальчики отошли на несколько шагов.

– Его Выскмгуцство – великий человек, – несло им вслед сонное бормотание, – а споги чстит дгтем. И вняет дгтем... Вняет дгтем. Такой члвек – дгтем...

Отряхнувшись, они продолжили свой путь по ночным улицам. Дойдя до дверей постоялого двора, Хура повернул домой – он жил внутри городских стен в квартале ремесленников-кожевников, вместе с отцом, матерью и тремя сестрами. Авик и Мавка поднялись в комнату, отведенную им под ночлег. Измученные событиями прошедшего дня, они рухнули на соломенные тюфяки и немедленно уснули как убитые.

Авик проснулся под утро от странного всхлипывания. Приподнявшись на локтях, он оглядел комнату, залитую предрассветной дымкой. Мавка плакала во сне. Он пододвинул свой тюфяк поближе и принялся нежно гладить девушку по волосам, шепча ей на ухо слова утешения. Всхлипывания стали затихать, а когда они в конце концов прекратились, Авик уже снова спал глубоким спокойным сном.

Следующий день начался душным солнечным зайчиком, игравшим на его закрытых глазах. Комната находилась под самой крышей, а одной из стен служила труба огромной печи, на которой, по-видимому, готовили завтрак для постояльцев и проезжающих стражников. Было невероятно жарко. Не раскрывая глаз, Авик сполз со своего тюфяка на деревянный пол – из широких щелей на него повеяло прохладой нижнего помещения. Ворочаясь, он подставлял струям воздуха то один, то другой бок, пока в конце концов не стукнулся головой обо что-то твердое. Вскрикнув, он открыл глаза. Из полураскрытого узла на него безразлично погляды-

вала железная набойка сапога Атрака. Мавка уже проснулась и расчесывала волосы, сидя на туфлях спиной к нему. Авик потянулся и быстро вскочил на ноги.

– Пойдем скорей отсюда, здесь испечься можно, – сказал он, разминая затекшую шею.

Вдвоем они спустились по скрипучей крутой лесенке в трапезную. Половину ее занимала колоссальных размеров печь с железной крышкой, на которой разогревались, кипели, скворчали горшки, горшочки, сковородки, сковородочки, плоски всех размеров и форм. Вокруг них носились кашевары в перепачканных углем передниках. Печь была такой большой, что повара ходили по настилу из лиственничных досок, положенных прямо на печь. Иначе до части горшков было просто не добраться. Каменный пол вокруг был завален обугленными головешками и кучами золы. Деревянная стойка отделяла другую, сравнительно чистую половину помещения, где завтракали постояльцы и гости заведения. Двое стражников бодро наворачивали кашу, положив секиры на колени. В углу перешептывалась группа торговцев с Юго-Восточных Предгорий. Еще несколько едоков сидели на лавках парами или поодиночке. Три потрепанных типа неприятной наружности, несмотря на ранний час бывшие заметно навеселе, вразлад исполняли:

Ой, чикалик, мой чикалик!

Чой!

Ворочай, чикалик,

Век мой золотой.

Как свидетелям преступления друзьям полагалась порция каши, стакан молока и кусок хлеба за счет княжеской казны. Они сели в углу комнаты на низкий сундук и принялись за еду. Авик быстро опустошил свой горшок и отправился за добавкой. Пока улыбчивый повар накладывал ему дымящуюся кашу, стражники успели закончить трапезу и уйти, а на лавку напротив Мавки пересел какой-то невзрачный человечек. Протискиваясь обратно к своему месту на сундуке с горшком горячей каши в руках, Авик случайно задел его сутулую спину. Тот издал недовольный возглас и повернулся к нему.

– Простите, не хотел, – извинился Авик.

– Не хотел, да сделал, – ответил незнакомец, на мгновение впери в него два глубоко сидящих мутных глаза.

– Кстати, несопливые гвбздички, – неожиданно добавил он, – закусилось отканючить?

Авик машинально потрогал свой нос рукой, он был сухим. У незнакомца была отталкивающая привычка быстро шарить глазами из стороны в сторону, слегка подворачивая голову так, что направление его взгляда было совершенно невозможно проследить.

– Ты думаешь, щегол, что сам законопатишь без лишнего сухостоя? Ты же знаешь, во что это может переплеваться...

– Я не очень понимаю, при чем тут гвозди и какой сухостой Вам не нужен, – удивился Авик.

– Не подщегловывайся тут мне, – незнакомец уже начал проявлять нетерпение, в глубине его глаз заплясали злобные огоньки, а небритый подбородок задергался, – канючь гвоздички – и кабак.

Авик поставил горшок на стол и, ничего не понимая, стоял и разглядывал странного собеседника.

– И кончай уже ставнями хлопать, – уже менее решительно добавил незнакомец.

В этот момент дверь трапезной отворилась, и в ней показался вымытый и выпавшийся Хура в сопровождении двух стражников в дорожном облачении.

– Привет-привет! Лошадки уже готовы, можете хоть сейчас отправляться домой, – радостно сказал он.

– Привет, Хура, – отозвался Авик, – а ты не знаешь, что за гвозди нужны этому госпо... – он перевел взгляд на то место, где только что сидел странный незнакомец – а того и след простыл. Авик в нерешительности только пожал плечами.

Но ему не пришлось долго разгадывать загадку о ставнях и сухостое, поскольку Мавка в этот момент набросилась на Хуру:

– Да как ты смеешь являться сюда с такой довольной рожей, когда папа лежит мертвый, а те, кто его заколдовал, разгуливают на свободе? – кричала она. – А из-за тебя и Авик чуть не попал под раздачу, и расследование прекратилось!

Хура от неожиданности отступил на два шага назад.

– Ну а что прикажешь делать? – сказал он, разведя руками. – Да, я тогда позвал Авика помогать мне с сутрами, но я же не желал ничего плохого. А вчера, во время совета, я должен был спасти его от ложного обвинения, и отчасти из-за этого прекратили расследование. И что мне теперь – отправиться к нашему косоглазому другу? Он, наверное, уже проспался – и с ножом наперевес на меня не бросится, но в зубы точно даст. – Хура сдержал улыбку. – Или обратимся к Его Высокомогуществу и объясним ему, как сильно он был неправ, когда остановил расследование?!

Поняв, что дело проиграно Мавка зарыдала громким пронзительным девичьим ревом, таким, от которого закладывает уши и лопаются горшки. Авик и Хура бросились ее утешать на глазах удивленных кашеваров.

– Ну вот что, – сказал Хура, когда Мавка немного успокоилась, – есть одна идея. Скорее всего, конечно же, ничего не выйдет, но мы можем попробовать, чтобы ты так больше не редела. В Хориве живет всего один крупный маг, который не является наставником в Школе и поэтому не подчиняется распоряжениям Его Высокомогущества. Его Мудрейшество Оноди Нотия когда-то был наставником и имел учеников. Он стоял у самых истоков открытия Великой Игры и даже считался одним из крупнейших медиумов – даже более великим, чем сам Рамис Ацетус. Однако, находясь в зените славы, он разогнал свой класс и удалился на покой... Обратимся к нему? Он большой чудак, и, может быть, захочет нам помочь из чистого любопытства. Попробовать стоит, хотя шансов мало.

В мавкиных зареванных глазах промелькнуло выражение отчаянной мольбы. Авику было отчего-то страшно неловко перед бедной девушкой. Они условились, что в жилище чародея пойдут только мальчишки, а Мавка будет ждать их возвращения на постоялом дворе. Они могли бы поехать на казенной повозке, но решили, что не стоит раскрывать своих намерений стражникам, поэтому Хура приказал им распрячь лошадей и ожидать дальнейших распоряжений возле таверны. Они с Авиком отправились вниз по улицам пешком.

Жилище Нотии находилось где-то на подоле, Хура точно не знал, где, поэтому им пришлось изрядно поплутать. За время пути Хура пересказал Авику все сплетни о престарелом волшебнике за два последних года. По его словам, Нотия трудился не покладая рук. Каждый месяц он отправлял по крайней мере одного почтового голубя со свежим манускриптом для библиотеки Вечного Города. Когда наставники Школы решили узнать, о чем же написано в этих манускриптах, они с удивлением обнаружили, что речь в них идет о новых Истинных Именах... насекомых. Никаких попыток исследования свойств этих Имен Нотия не предпринимал. Он, казалось, целыми днями был погружен в Великую Игру ради Имени какого-нибудь нового жука или стрекозы. Надо отдать ему должное, Истинные Имена бабочек и мушек он щелкал как орешки, но какой от этого прок, если их нельзя использовать для того, чтобы накладывать чары? В Школе полувсерьез утверждали, что старик больше не способен обходиться без глубокой медитации, в которую он погружается во время Игры. Двое молодых наставников, скорее из любопытства, нежели сочувствия, однажды предложили Нотии свою помощь. Маг осведомился, чем же эти двое могут быть ему полезны, и когда услышал в ответ, что те в

числе прочего готовы избавить его «от нежелательных зависимостей», бесцеремонно выставил их за порог.

Наконец в конце слепого проулка они набрали на высокий забор, составленный из плотно подогнанных друг к другу некрашенных досок, серых от времени. У входа красовался позеленевший бронзовый щит с вытисненным на нем именем и гербом мага: в разделенном пополам вертикальном овале – в верхней части была изображена рука, сжимающая горящий факел, а в нижней – две водомерки. «Символы просвещения и соперничества», – отметил про себя Авик.

Отворив калитку, мальчики вступили в запущенный сад. Бревна внушительного и просторного дома почернели от старости. Выкрошившиеся торцы стволов тонули в одичавших кустах шиповника и смородины. Один угол сруба был явно ниже другого. Крышу давно не перекладывали, то здесь, то там пестрели разномастные заплатки. В углу двора темнело бесформенное нагромождение истлевших гнилушек, и только стоящее рядом ведро наводило на мысль, что это, вероятно, остатки колодца. На фоне этого запустения резко выделялась роскошная самоходка, прислоненная к внутренней стороне забора. Ее каркас и педали не были украшены вычурной гравировкой, которой так любили щеголять городские франты, но каждая деталь была подогнана и заговорена настолько искусно, что мальчики несколько минут стояли, разинув рты и боясь даже представить себе стоимость такой прекрасной вещи.

Массивная дверь дома неожиданно оказалась хорошо смазана и не издала ни единого звука, когда Хура потянул ее на себя. Пройдя сквозь просторные сени, пахнувшие эфиром, книжной пылью и амброй, друзья оказались на пороге внушительных размеров горницы. Повсюду вдоль стен до потолка возвышались шкафы, набитые свитками и книгами. Часть книг лежала прямо на полу вперемешку с ретортами, колбами и склянками. В углу мерно поскрипывали перьями два изящных самописца. Комната была едва освещена, и в пыльных закоулках между грудями вещей клубилась таинственная темнота. За широким столом, склонившись над книгой, восседал хозяин дома, худощавый старик с впавшими щеками. Мальчики застыли в дверях. Даже Хура оробел от этой картины. Первым придя в себя, он заковылял было на ватных ногах в сторону стола, но оступился и задел сапогом деревянный ящик с мензурками, которые угрожающе забряцали.

– Эй, ты, поосторожней там с моими морилками, – прорезал тишину мягкий старческий голос. Заложив фолиант пером диковинной окраски, старец живо выскочил из-за стола и направился к двери, лавируя между грудями предметов. Не ожидавший от него такой прыти Хура окончательно сконфузился и забормотал какие-то нелепые извинения.

– Смотрите под ноги в следующий раз, – нетерпеливо оборвал этот поток хозяин, разглядывая содержимое пострадавшего ящика. – Выкладывайте лучше, зачем пожаловали.

Сбиваясь и перескакивая с одного на другое, Хура принялся излагать события последних дней.

– Молодой человек, у меня маловато времени, чтобы выслушивать базарные истории, – раздраженно прервал его рассказ старик, все еще разглядывая свои склянки. – Поиски пропавших родственников, вызов духов, привороты-отвороты – это все совершенно не по моей части.

– Конечно, Ваше Мудрейшество, но ведь произошло преступление, как будто бы с использованием запрещенной магии...

– Как будто бы, – передразнил его волшебник, – а почему бы Вам не обратиться к тем, кого такого рода вещи интересуют больше, чем меня? Я не охотничья псина, чтобы гоняться по лесам за разбойниками.

– Его Высокомогоущество прекратил расследование...

– И к какому же выводу он пришел?

– Капкан Черных Куниц, – отрапортовал Хура.

– Очень интересно, – маг впервые оторвал свой взгляд от содержимого злополучного ящика и посмотрел на Хуру, – а кто еще присутствовал на совете?

Хура перечислил имена всех наставников, а из вельмож и следопытов он знал только двоих человек. Волшебник задумчиво почесал бороду, потом повернулся и прошествовал к своему столу. Авик и Хура посеменили за ним следом. Нотия сел за стол, раскрыл книгу на заложённой странице, и взгляд его снова коснулся оробевших мальчиков.

– Молодые люди, я, кажется, дал ответ на ваш вопрос?

– Да, вы сказали, что находите наш случай очень интересным, – вставил Авик. Маг неожиданно рассмеялся, обнажив крупные желтые зубы.

– Позвольте мне дать Вам один совет: не следует без оглядки бросаться на всё, что на первый взгляд кажется интересным. У меня не так много сил и еще меньше времени. Я должен сосредоточиться на одной или нескольких действительно важных вещах.

– Да, но... – Авик обвел глазами рабочий стол мага, на котором в беспорядке громоздились пластинки с наколотыми на булавки жуками, расправленными при помощи обрывков пергамента стрекозами, и недорисованная гравюра с изображением жужелицы. Хура испугано зашикал на него.

– Кажется, ты находишься в одном шаге от того, чтобы нанести мне смертельное оскорбление, – мягко заметил Нотия, заметив направление его взгляда, – так что идите-ка лучше своей дорогой и дайте мне закончить чтение.

– Вчера у меня из-за шиворота выпала вот такая сороконожка, – выпалил вдруг Хура, разведя руки в стороны, как рыбак, рассказывающий о своем улове. Нотия вздернул брови:

– Куда выпала?

– Куда? На пол. Это было на конюшне постоянного двора. Я уверен – это очень важная находка, – азартно схватился Хура за свой неожиданный козырь.

– И какого она была цвета, разрешите поинтересоваться?

– Черная, с сиреневым отливом, – вставил Авик.

– А как выглядела ее голова?

– В форме неправильного диска, с двумя красными точками по краям и белой полоской посередине.

– Гм... – Нотия на мгновение задумался, – и как же эта особь попала к тебе за шиворот? – обратился он к Хуре.

– Я ночевал на сеновале у него дома, – Хура ткнул рукой в Авика, – наверняка этих сороконожек там как муравьев в муравейнике. Это, кстати, совсем недалеко от места убийст...

– У тебя на сеновале и вправду живут такие сороконожки? – перебив Хуру, спросил Нотия у Авика.

– Ни разу не видел, – не задумываясь, ответил тот. Маг громко расхохотался.

Поняв, что хитрый план сорван, Хура сделал гневный жест в сторону Авика и выскочил из комнаты. Авик попятился к двери за ним. Вслед им несся смех вперемешку со старческим кашлем.

Хура не помня себя от ярости, не разбирая дороги, мчался прочь. Авик едва поспевал за ним. Они выбежали через заднюю калитку и теперь плутали по чужим дворам и закоулкам.

– Ты всё испортил, как всегда, – ругался Хура. – Сначала нагрубил Рамису Ацетусу прямо на совете, теперь меня выставил на посмешище перед этим чудачком! Ты когда-нибудь думаешь, прежде чем говорить? Не усвоил еще, что тебе вообще лучше держать язык за зубами?! Сам теперь с Мавкой своей объясняйся.

– Он сам задавал мне вопросы, – оправдывался Авик, – что мне было отвечать? Соврать про твоих дурацких сороконожек?

– Слушай, ты вообще выкручиваться не умеешь, что ли?

– Выкручиваться умею, а врать не люблю. И врунов, кстати, тоже.

– Да ну тебя...

Вконец разобидевшись друг на друга, мальчики возвращались обратно к таверне. Когда двускатная крыша постоянного двора показалась из-за угла улицы, до них донесся густой мерный топот множества копыт и нервное ржание. Подойдя ближе, они обнаружили, что вся проезжая часть вокруг конюшни уставлена лошадьми. Удивленные, они протискивались мимо кричащих и ругающихся стражников, которые привязывали фыркающих коней к временным коновязям, наскоро собранным из оглоблей и тележных колес. Почти обойдя этот внезапно появившийся лошадиный базар, они чуть не налетели на понурого чернобородого стражника, ведшего под уздцы такую же понурую вороную кобылу. Стражник схватил Авика за плечо железной лапой.

– Два мальчика-послушника найдены, – провозгласил он торжественно. И тихо добавил, – Вас приказано немедленно препроводить на конюшню.

Авик с Хурой озадаченно переглянулись. Еще громче ругаясь, стражники принялись освобождать от лошадей проход к дверям конюшни. Сделав несколько шагов по коридору из потных человеческих спин и лоснящихся конских боков, мальчики обнаружили, что под козырьком рядом со входом, прислоненная к стене, стоит чудесная самоходка Нотии. Два стражника отталкивали от нее лошадей тупыми концами пик, чтобы те ненароком не затоптали драгоценный механизм.

Мальчики снова переглянулись. Внутри конюшни было необычайно светло – под потолком горело три здоровенных холодных огня. Все дверцы опустевших стойл были распахнуты настежь, а земляной пол, прежде почти невидимый под слоем навоза и сена, стал неожиданно чистым. Приглядевшись, мальчики увидели, что весь конюшенный сор, аккуратно разобранный по соломинке, висит в воздухе под потолком.

– Вот это телекинез!, – тихонько прошептал Авик. Его Мудрейшество Оноди Нотия собственной персоной вышагивал по проходам, деловито заглядывая в глубокие щели у основания вбитых в землю квадратных столбов. Края его робы были заправлены в сапожки, в одной руке он держал сачок для ловли бабочек, в другой – маленький, но яркий холодный огонь. На почтительном расстоянии от него следовали распорядитель постоянного двора и капитан стражников. На их лицах выражения растерянности и подобострастия то и дело сменяли друг друга.

– А, вот и вы подошли, – поприветствовал мальчиков Нотия, нагибаясь около очередного столба. – Наша беглянка, к сожалению, куда-то запропастилась.

Хура изгибом спины и поворотом головы изобразил желание немедленно броситься на поиски сороконожки, и если понадобится, даже загнать ее обратно к себе за шиворот.

– Как же быстро вы убежали! – Продолжил Нотия, распрямляясь. Он потушил холодный огонь в своей руке и отдал сачок капитану стражников. – Мне пришло в голову, что я, быть может, помогу вам в вашем деле. Сам я не большой специалист по препарации бездыханных тел, но я знаю кое-кого, кто может быть вам полезен.

– Ваше Мудрейшество, я вспомнил еще одно место, где сороконожка могла залезть мне под робу, – невпопад сказал Хура, – на полянке рядом с трактом, где мы делали привал. Мы могли бы осмотреть ее.

– В этом нет нужды, – Нотия нетерпеливо махнул рукой, – у вас есть, где остановиться в Хориве? Господин распорядитель, не сочтите за труд сохранить за молодым человеком его комнату на постоялом дворе. Плату я пришлю с нарочным, с ним же придет и записка, где и когда вы, молодые люди, сможете встретиться с моим человеком. На этом я, пожалуй, откланяюсь.

Прошептав несколько заклинаний, он заставил солому опуститься вниз и расположиться вдоль стен прохода. Комья конского навоза, тоже парившие где-то под крышей и невидимые за яркими светильниками, пролетели к дальнему концу конюшни и с сочным звуком попадали на пол. Мальчиков накрыла волна теплого лошадиного запаха. Наконец, жестом руки Нотия потушил холодные огни, и помещение окутала знакомая полутьма.

– Можете возвращать лошадей в стойла, – бросил он капитану, забирая обратно свой сачок. Через минуту сквозь лошадиное ржание и ругань стражников до них донеслось шуршание удаляющейся самоходки.

– Ну и дела, – только и произнес Авик.

Наконец мальчики вернулись на постоянный двор. Мавка уже заждалась, и потому встретила их насупленными бровями. Хура, конечно, постарался изобразить результаты похода к Нотии в выгодном свете, но даже Мавка поняла, что сам он не слишком полагается на слово старого мага: все крупные чародеи Хорива, кроме него самого, служат наставниками в Школе – и не пойдут против воли совета и Рамиса Ацетуса. А кого еще может рекомендовать Нотия? Разве что какого-нибудь деревенского колдуна...

– Но вы же попробуете? – тихо спросила девушка, опустив глаза. Конечно, мальчики не могли ей отказать.

Расстроенная Мавка отправилась домой в сопровождении осовевших от долгого безделья стражников, а Авик с Хурой остались ждать вестей от Нотии. Поднявшись в комнатушку, они улеглись на тюфяки. Хура достал из своего заплечного мешка письменные принадлежности и принялся зубрить уроки, а Авику предложил пару книг на выбор, чтобы тот тоже мог как-то убить время. Авик взял томик «Истории магии», открыл его на случайной странице и углубился в чтение.

«... Особенно быстро магические искусства развивались в VII веке от основания Вечного Города. После череды успешных завоеваний императора Орифетиана IV, в распоряжении имперских чародеев оказалось значительное количество пленников из покоренных им народов. Изучение действия Истинных Имен, выставленных на Астральных Картах этих чужеземцев позволило совершить настоящий прорыв, сравнимый по масштабам разве что с открытиями Шогеста Брандота, совершенными за сто с лишним лет до того. Были обнаружены полезные свойства таких хорошо знакомых каждому чародею Имен, как Тиарканум, Игофринус, Рендвуну, и многих других. В это время были заложены основы того магического ремесла, которым мы по праву гордимся. Хотя этот период рассматривается многими авторами как золотой век в истории магии, нельзя не отметить, что он обошелся весьма дорогой ценой. Сотни зачарованных пленников погибли, а тысячи получили неустрашимые пороки и уродства. Вечный Город заполонили искалеченные и озлобленные нищие, порой пугавшие своим видом путешественников и горожан. Хотя эти несчастные принадлежали к разным племенам и народам, они быстро осознали свою общность и образовали “Хаврот Нод”. С одного из наречий варваров Срединного Моря это имя переводится как “Братство Отверженных”. Благодаря сплоченности несчастных отщепенцев, а также необычайным качествам, которые они обрели наряду со своими уродствами, “Братство Нод” быстро вытеснило прочие воровские и нищенские гильдии. Летопись сохранила рассказ об одном из предводителей братства, исполине по имени Эр-Мергор. Наложённые на него чары наделили его колоссальным ростом, невероятной силой и нечеловеческим, изворотливым умом. Вместе с тем кожа его покрылась твердой, как кремень, коростой, не позволявшей гнуться бедренным суставам и поясице. Несчастный гигант не был способен сидеть или лежать, поэтому спал, подобно лошади, – стоя, вытянувшись во весь рост и прислонившись к стене.

В 679 году, после смерти Орифетиана IV, его наследник, молодой Рибраниан I попытался было известить братство, к тому времени изрядно беспокоившее обитателей Вечного Города разбоем и грабежами. Однако благородное начинание закончилось для молодого императора весьма злополучно. “Братство Нод” под предводительством Эр-Мергора подняло восстание. Мятежникам в ходе молниеносного и коварного нападения удалось разбить императорскую гвардию и захватить дворец. Придворные, не пожелавшие служить бунтовщикам, были немедленно казнены. В числе прочих умерщвлен был и злейший враг братства, престарелый гранд-маг Ион Тревиан. Впрочем, расправившись с главным своим мучителем и его основными

помощниками, мятежники проявили неожиданную мягкость к остальным магам, сочтя, что их поголовное истребление привело бы к исчезновению накопленных чародеями знаний, а значит, сделало бы перенесенные членами братства мучения напрасными. Эр-Мергор лишь приказал отрубить всем волшебникам Вечного Города безымянные пальцы на правых руках, чтобы они тоже получили свою толику страданий и навсегда сохранили память о совершенных ими злодеяниях. Император Рибраниан укрылся в катакомбах, где от расстройств чувств ослеп на оба глаза. В конце концов, он был схвачен мятежниками, и те, кто еще вчера были отверженными, провозгласили себя правителями Империи, повелевающими от его имени. Их незаконному правлению положил конец имперский полководец Арсан Аскертийский. Прослышав о происходящем в столице, он прервал свой поход в южные страны, погрузил войско на корабли и отправился к столице. Под покровом ночи он высадился под самыми стенами Вечного Города. Застигнув бунтовщиков врасплох, он взял укрепления штурмом и занял большую часть города. Внезапность атаки и неприязнь горожан к мятежникам сослужили Арсану хорошую службу. Большая часть повстанцев была перебита, но уцелевшие укрылись во дворце, взяв в заложники императора и его малолетнего наследника. Арсан понимал, чем может грозить Империи пресечение правящей династии, и вынужден был вступить в переговоры. В результате торга, длившегося дольше, чем взятие самого города, братство получило в вольное владение пустынные земли на западных окраинах Империи, а Арсан – слепого и полубезумного императора. Освободив Вечный Город от власти братства и став фактическим правителем государства, он решил обезопасить страну от повторения столь дорого стоивших ей ошибок и ввел строгий запрет на наложение чар на Астральную Карту любого человека, будь то раба или правителя, без его на то согласия. Он также повелел собрать все книги и свитки, содержащие сведения об Истинных Именах, калечащих своих носителей, и замуровать их в подвалах библиотеки. В годы владычества Арсана был составлен и первый толковый указатель, содержащий перечень всех известных на тот момент Имен. Тогда же были введены первые запреты для кадавров из варварских племен. Ведь в предшествующую эпоху безобразные звероподобные дикари нередко встречались в городах Золотой Перевязи, а их поселения множились на просторах Империи. Прошло почти столетие, прежде чем кадавры были полностью искоренены в наших пределах.

“Братство Нод” осело на западной границе и дало начало племени нод, одному из самых беспокойных и воинственных во всей Империи. Потомки несчастных пленников не унаследовали ни пороков, ни способностей членов братства, но сохранили их свободолюбие и лютую ненависть к своим поработителям. Последним дошедшим до нас свидетельством об этом периоде бурного развития магии было занесенное в летопись сообщение северных торговцев, проходивших в 724 году через земли племени Нод, и повстречавших там весьма пожилых калек, чье уродство, казалось, было причинено запрещенной магией...»

Стук в дверь заставил Авика оторвать глаза от книги. На пороге стоял прислужник с запиской в руке.

– Прибежал мальчишка, просил передать вам это, – сказал он, почтительно вручая Авика записку.

«На второй день от дня сего, на восходе. Харчевня “Синий Осетр” у начала Северного Тракта» – значилось на истрепанном обрывке пергамента. Похоже, старый чародей не шутил.

На следующее утро Хура пошел в Школу на свои занятия, а Авик отправился слоняться по городу. Ночью подморозило, но в прохладном влажном воздухе стоял запах весны. Поднявшись на крепостную стену, он оглядел окрестности. Могучий Реебор недавно вскрылся, и грохочущие, наползающие одна на другую, льдины медленно ползли на юг, в сторону моря. Насмотревшись на ледоход, Авик направился прямо по стене к Белым Воротам, перекидываясь шутками со скучающими на посту караульными. У ворот, как обычно, толпились люди. Стражники осматривали телеги, мытари, как коршуны, кружили вокруг повозок торговцев, повсюду слышалась брань, ржали лошади, ревели ослы. Отломив сосульку от зубца крепост-

ной стены, Авик попытался сделать из нее приближающее стекло. Произнесенное заклинание заставило льдинку принять форму линзы и сделаться прозрачной как слеза. Стекло неплохо приближало, но почему-то переворачивало всё вверх тормашками и растягивало в стороны. Несколько минут Авик разглядывал суетящихся внизу людей. Сквозь стекло они были похожи на толстых летучих мышей, перетаптывающихся вниз головой на ветвях дерева или на потолке пещеры. Насмеявшись, он принялся высматривать харчевню «Синий Осетр» – Северный Тракт начинался здесь, за воротами.

А вот и она, чуть в глубине – не слишком заметное строение с вывеской в виде большой синей рыбины. Довольный собой, Авик выкинул ледышку и спустился на улицу. Остаток дня он провел, копаясь в книжных развалах и беседа со знакомыми книготорговцами.

Восход условленного дня еще только начинал алеть на горизонте, а мальчики уже стояли на пороге «Синего Осетра». Небольшая зала была почти пуста. За большим столом завтракала крестьянская семья: старик, старуха и две их тощие прыщавые дочери. В углу угощался дымящимся мясным супом степняк-торговец в сдвинутой на затылок кожаной шапочке. У окна, спиной к мальчикам, сидел дородный человек в черной робе. Бычья шея и массивные уши энергично двигались, выдавая активную работу челюстей. Хура подошел к нему и почтительно поклонился. Незнакомец ответил глубоким поклоном головы, не прекращая при этом жевать.

– Вы ли тот человек, с которым мы должны встретиться этим утром? – учтиво спросил его Хура. Дородный мужчина повернул голову и сглотнул.

– Да, о сын мой, – произнес он торжественно, – провидение привело тебя в правильное место и в правильный час.

– Вы можете нам помочь?

– О да, мой долг помогать страждущим, сбившимся с пути, утратившим надежду и желающим обрести истину.

Авик и Хура переглянулись.

– Мы как раз хотим узнать истину, – неуверенно сказал Авик.

– Я вижу, вы – дерзновенный юноша, – обратился к нему здоровяк. – Давайте же совершим наш утренний молебен, чтобы удача преследовала нас весь оставшийся день.

Он отложил ложку, повернулся лицом по направлению к восходящему солнцу и принялся читать благословение. Его роба разгладилась, когда он встал, и друзья обнаружили, что ее объемные складки скрывали вовсе не шелковый пояс, какие носят маги, а сплетенный из посеребренных цепочек, какой имели право носить лишь священники. Мальчики удивленно смотрели на своего нового знакомого, боясь помешать ему закончить молитву. Авик из вежливости даже подтягивал в некоторых местах.

Им так и не удалось возобновить разговор, так как входная дверь внезапно распахнулась настежь, и в харчевню ввалились два здоровенных парня малосимпатичной наружности. Чуть позади них семенила невысокая, с ног до головы закутанная в плащ фигурка. Громилы прямоком направились к мальчикам и скрутили им руки.

– Ну что, щеглы, думали срезаться? А ведь крутил вам оглобли шурий, крутил, а всё не всклад, – с укором произнес закутанный в плащ. По голосу и бегающим глазкам, поблескивающим поверх плаща, Авик узнал своего странного собеседника с постоянного двора.

Дородный священник возмущился было кощунственным вторжением, так бесцеремонно прервавшим его молитву, но получив косой удар в ухо, свалился под стол и затих. Громила в неуверенности застыл, сжимая и разжимая кулак, которым он только что нанес удар святому отцу. Глаза его под нахмуренными бровями выражали напряженную работу мысли. Наконец, решение проблемы было найдено, и он совершил двойной взмах открытой ладонью от плеча к поясу, какой обычно совершают набожные люди, после того как коснутся святыни. В это время старик-крестьянин, сжав кулаки, вскочил из-за стола, однако быстро оценив свои перспективы

в потасовке, как бы случайно замешкался, переведя полный надежды взгляд на жену и дочерей. Те дружно зашикали на него, и мужик с облегчением опустил обратно на место, всем своим видом давая понять, какой тяжелой гирей семейный долг висит на его шее. Хура попытался прочитать простенькое боевое заклинание, которому его учили в школе, но полуперчатки и наручи незнакомцев были хорошо заговорены и защищали от магии.

– Гвоздички... – с апломбом начала фигурка, вытягивая руку с длинными когтистыми пальцами, однако и ей не суждено было довести свою мысль до конца. События разворачивались стремительно. Сначала вокруг головы державшего Авика громилы возник неправильной формы ореол из щупальцев, в комбинации с вытаращенными глазами и разинутым ртом бандита, наводящим на мысли о змееволосом чудовище из детской сказки. Продолжалось невиданное зрелище лишь краткий миг: щупальца оказались брызгами супа, и осколки разбитого о голову горшка с грохотом посыпались на пол. Ошпаренный детина взревел и развернулся всем корпусом в тот угол, откуда прилетел горшок, однако тут ему в лоб точнехонько угодила массивная ножка деревянной скамейки. Охнув, он повалился на пол, увлекая за собой Авика. Его товарищ отбросил Хуру в сторону и с ревом бросился на подмогу. Деловито поправляя шапочку, из своего угла ему навстречу уже спешил степняк. Узкий в плечах и на две головы ниже своего противника, он был вертким как ящерица, а его конечности вдобавок не были скованы громоздкими доспехами. Схватив громилу под рукава между локтями и запястьями, он легко уворачивался от ударов и, с настойчивостью метронома, наносил пятками пинки по колену противника. Удары не были сильными, но попадали точно в одно и то же место. Потеряв терпение и воя от боли, бандит безуспешно пытался сокрушить смельчака ударами своей бритой головы. Блестящий череп со свистом рассекал воздух, но не достигал цели. Когда амбал замхнулся головой в третий или четвертый раз, степняк, подобравшись снизу как пружина, ударил своим лбом прямо в челюсть громилы. Удар, сложенный из встречных движений обоих борцов, получился такой силы, что кожа на шапочке степняка лопнула, обнажая вшитую в нее железную пластину, с торчащим надо лбом маленьким злобным шипиком. Громила схватился руками за раздробленную челюсть и, пуская кровавые пузыри, медленно опустился на пол.

Степняк, покачиваясь, словно пьяный, сделал несколько широких шагов и вдруг бросился к двери. Однако замотанная в плащ фигурка оказалась проворнее. Оставив обрывок плаща в кулаке своего преследователя, предводитель неудачливых налетчиков был таков. После того как хлопнула дверь, в харчевне воцарилась полная тишина. Даже бандит с разбитой челюстью прекратил стонать, поскольку, должно быть, потерял сознание. Потасовка произошла настолько стремительно, что Авик даже не успел стряхнуть с себя обжигающие капли горячего супа, которые попали на него из разбитого горшка.

Время вновь обрело свой нормальный, размеренный ход. Священник, ворча, выползал из-под стола. Крестьянин удовлетворенно побряхтывал: драка удалась на славу, а ему даже бока не намяли. Худенький степняк опустился на лавку и принялся чистить обильно залитую кровью шапочку. Кое-как залепив дырку и нахлобучив на место свой головной убор, он поднял глаза на мальчиков.

– Дун, – произнес он, оскалив в улыбке черные корешки зубов.

– Это ваше имя? – спросил Авик.

– Та-та, так зовут моя, – сказал их новый знакомец с мягким акцентом кочевника.

Мальчики тоже представились.

– Наша идти должна, а то эта, «оглобля крутить», – он потряс в руке обрывком плаща, – обратно приходите, еще больше негодяй приводить. А вы – со мной идти, – добавил он.

Мальчикам ничего не оставалось, как последовать за ним. Они вышли на свежий воздух, степняк звонко причмокнул, и к ним подкатилась маленькая кибитка, запряженная четверкой косматых низкорослых лошадок.

– Ну, ехать смотреть сразу вашу покойника? – прищурившись спросил Дун.

– Так это вас прислал Его Мудрейшество Оноди Нотия? – обрадовался Хура.

– Ну... Не прислала, попросила, – поправил его Дун.

Не без труда все трое втиснулись в кибитку. Кучер, тоже степняк, щелкнул кнутом, и они понеслись. Дун уселся спиной к лошадям и время от времени озабоченно поглядывал на дорогу. Мальчики поняли, что он опасается погони.

– Кто была этот негодяя? – спросил он хмуρο.

Авик рассказал о странной встрече на постоялом дворе. Дун призадумался.

– Гвоздик ему нужна... – повторил он задумчиво.

– Вы понимаете, что он говорил? – удивился Авик.

– Ваш язык вообще очень непонятная, много угадать надо, – отвечал ему Дун. – А негодяя – им всегда деньги нужна, или еще что-то отнимать.

Он перевел пронзительный взгляд своих раскосых глаз на Авика, и у того душа ушла в пятки, «Глаз Нимбрана», – в смятении подумал он. – Он ищет потаенную магию, заговоренные вещи, скрытые заклятия. Только опытные маги владеют этим искусством».

– Вот эта, быть может, гвоздик, – палец кочевника уперся в рукав Авика, и тот быстро схватил себя за запястье. Ах вот оно что! На руке браслет Атрака, надетый им после нападения косоглазого следопыта – он так и оставался у него на руке. Немедленно сняв вещицу, Авик внимательно осмотрел ее. И точно, есть какое-то странное хорошо спрятанное заклятие, не разобрать, да и заметить не просто. Вот тебе и еще одна загадка.

– А Вы, вероятно, известный чародей? – спросил степняка Хура, не умевший долго сидеть молча.

– Ну, какая я чародея? Я гулять-путешествовать, – ответил ему Дун.

– Торговый человек?

– Торговая тоже, но больше просьба выполнять, совет давать, – туманно охарактеризовал свой род занятий степняк.

– А какие советы даете? – не отставал от него Хура.

– Бесплодная, пустая разговор, давай лучше интересный поговорим, – ответил степняк.

– Ну, давайте, а о чем?

– О смерть, конечно.

Хура нервно сглотнул. Дун это заметил и усмехнулся.

– Молода еще о смерть думать? Поговорим тогда про горшок. У горшка Настоящее Имя есть? Есть. «Гаргот» – обожженный глина. А когда я горшок об лоб негодяя разбила, он стала «Лиобран-Гаргот» – разбитый обожженный глина. А вот теперь возьмем косточка, – он порылся под сидением кибитки и извлек оттуда мумифицированную человеческую руку. – Как она будет на Истинный Язык? «Марцу» – рука. А когда она частью человека была, где ее Имя было? Ведь я тебе на руку чар наложить не могу. А ведь этот человек еще и свое собственное, Тайное Имя имела. – Постепенно Дун так увлекся рассуждением, что даже его акцент куда-то улетучился, а речь стала грамотной – А когда он умер, откуда это «Марцу» взялось? И куда Истинное Имя человека делось, со всеми своими чарами-заклинаниями, наложенными за всю его жизнь? – И ведь не сразу же это произошло, человек – не горшок, и дух его покидает не сразу, и Имя меняется постепенно. Одно состояние сменяет другое по мере разложения тела. Ну и вот вам вопрос: старое Имя человека отступает, как пересыхающее море, обнажая новые Имена членов тела, как подводные скалы, до поры скрытые на глубине? Но тогда где это морское дно сейчас, можно ли до него добраться? Или же напротив, убивая человека или разбивая горшок, мы убиваем Имя, и вызываем новые Имена откуда-то из небытия? Но откуда Вселенная знает, какое Имя должно возникнуть в том или ином случае?

Мальчики удивленно молчали, глядя на качающуюся из стороны в сторону высохшую кисть со скрюченными пальцами. Коверкающий слова кочевник, вдруг как будто переродился,

как только речь зашла о магии. Потертая кожаная курточка и пыльные шаровары совершенно не вязались с речами, больше подходящими наставнику в шелковой робе.

– В Школе вас этому, небось, не учили? – снисходительно продолжил Дун. – Парадокс смерти – лишь частный случай общей проблемы смены состояния. В конечном счете, это ключ и к разгадке взаимной связи мира Имен и мира вещей, то есть нашего мира. Что было в начале и что явилось потом? Идея или материя? Быть может Имена – мир истинный, а мы – лишь рябь на воде, которую создают невидимые нам рыбы, когда подплывают к поверхности? А может, Имена – отражение происходящего в нашем мире, – и когда не будет нас, не станет и Имен? – он сделал паузу. – Интересная разговор, правда?

– Вы занимаетесь изучением этого вопроса? – после недолгого молчания вежливо осведомился Хура.

– В конце концов, смерть каждая занимается, и ты тоже. Будешь чуть-чуть старая, тоже понимать, – поддразнил его степняк. – Но я начал заранее и уже кое-чему научился, – осклабился он. – Ты, вероятно, знаешь эти простые вещи, вроде сутр Минаса и Себя, когда маг шаг за шагом исследует внешний край, подобно тому как мореплаватель обводит корабль вокруг нового континента. Ты, наверное, слышал и об искусстве Великой Игры, когда медиумы, как охотники за жемчугом, погружаются в транс, для того чтобы обогнуть Задающего Вопросы и узнать Истинное, Тайное Имя, им доселе не известное. Я не мастер ни ходить под парусами, ни закапываться в морское дно, – продолжал Дун, сверкая глазами, – зато я научился хорошо плавать под водой.

Тут лошади вынесли их на неровный участок дороги, и из-за тряски разговор сам собой прекратился.

– Вы некромант и изучаете разложение тела и Астральной Карты? – уточнил Авик, когда замерзшие лужи и колдобины остались позади.

– Ну, я же говорила, я не чародея, я путешествовать, гулять, смотреть, многое интересоваться, – степняк снова отвечал уклончиво.

– А Вы можете определить, какие чары наложены на этот браслет?

Дун повертел браслет в руках.

– Сложно. Моя не знает. Не антимагия, не защитный амулет, не боевые чары, со смертью точно не связана, – задумчиво произнес он.

Степные лошадки так весело бежали по оледеневшей за две морозные ночи дорожной грязи, что кибитка подкатила к хутору, когда холодное весеннее солнце еще висело над горизонтом. Мавка, услышавшая стук копыт и звон лошадиной сбруи, выскочила на крыльцо. Следом показалась и тетушка Диса – только сейчас Авик заметил, как она постарела. Видимо несколько дней, проведенных в одиночестве, окончательно подкосили ее. На полном лице застыла задумчивая и как будто виноватая улыбка, а некогда живые темные глаза смотрели куда-то вдаль и поверху, как будто пытаясь заметить что-то под скатами крыши или в древесных кронах.

Дун учтиво представился, соединив в знак приветствия руки, которые как бы пожали одна другую и покачал плечами, как это делают все степняки. Мавка с удивлением разглядывала необычного гостя. Тот деликатно показал глазами на заходящее солнце и приподнял правую бровь.

– Вы хотите скорее начать? – тихо спросил Авик. Дун молча кивнул.

Атрак еще не был похоронен. С горящей лучиной в руке, Дун спустился по крутым ступенькам в глубокий влажный погреб. Там, между бочками с солониной и мешками, набитыми прошлогодней сморщенной репой, обложенный ледышками, ожидал своего часа покойник. Взвалив тело на плечо, Дун аккуратно вытащил его наружу. Под навесом уже стояли два внушительных размеров рундука, принесенные из кибитки извозчиком. Мавка расстелила на посыпанной опилками земле конскую попону, а поверх нее – льняную простыню. Пока степняк

вытаскивал из ящичков свитки, руны и склянки, мальчишки обмыли осклизлый труп колодезной водой и положили на подстилку. При вечернем освещении он выглядел еще менее похожим на человека, чем тогда, в горнице. Однако обезображенное лицо и окоченевшие конечности умершего, казалось, нисколько не удивили деловитого кочевника. Он принялся старательно, вершок за вершком осматривать тело. Не выдержав этого зрелища, тетушка Диса ушла в дом, Мавка вскоре последовала за ней. Тем временем Дун достал письменные принадлежности и принялся быстро записывать что-то в небольшой потрепанный фолиант, поминутно оглядываясь на труп. Авик незаметно заглянул ему через плечо. К его удивлению, вместо степняцких квадратиков или растянутых каракулей южан, его глазам предстали аккуратные ряды классических букв, которые вполне могли бы быть писаны рукою хорошего имперского писаря. При свете последних лучей заходящего солнца степняк закончил наконец писать, разжег небольшую жаровню, набросал туда каких-то зловонных корешков и застыл в неподвижности над бездыханным телом, прислонившись спиной к опоре навеса. Мальчишки, ожидавшие увидеть в руках своего странного знакомца руны или, на худой конец, колбы и реторты, в разочаровании переглянулись: наблюдать за медиумом, погружающимся в транс, было совершенно не интересно.

Попереминавшись с ноги на ногу и проводив весенние облака, освещенные багровыми лучами заката, друзья отправились в избу. Там, возле догорающей печи, их дождался простой крестьянский ужин. Хозяйка дома неторопливо перебирала усталыми руками льняную пряжу. Мавка уже забралась на полати, и оттуда свешивались только ее волосы и одна нога в грубом чулке. Покончив с едой, Авик пошерудил в печи кочергой и, откопав подходящий уголек, зажег от него лучину. Он снял браслет, и поднес его задумчивой тетушке Дисе. Та неторопливо повертела его в руках и вернула Авику.

– Не помню я у мужа такой вещи. Впрочем, память у меня плоха совсем стала, Авик. Мы как во сне живем с тех самых пор, как Мавка сама не своя из лесу прибежала – вся бледная, волосы растрепанные, ревет страшным ревом. Знаешь, что мне тогда послышалось сперва? «Его заставили». Потом я только поняла, что это значит – «заколдовали», – она снова опустила к своей пряже глаза, полные слез.

Авик повернулся и собрался было задуть лучину, но невольно взгляд его упал на полати. Оттуда на него смотрело бледное и испуганное лицо Мавки. Авик передумал тушить лучину и протянул ей браслет. Свесившись вниз, она взяла его дрожащей рукой осторожно, словно она трогала змею, и почти сразу вернула, чуть ли не бросила Авику.

– Папин? – тихо спросил Авик.

– Нет, не папин, – еле слышно ответила она.

– А чей тогда?

– Я не знаю, Авик, убери от меня эту штуку, мне страшно, – она забилась в дальний угол и смотрела оттуда своими большими испуганными глазами.

Авик пожал плечами и, не решившись надеть браслет, засунул его за голенище сапога и погасил лучину. В этот раз они с Хурой ночевали в горнице, и Авику досталась та самая широкая лавка, на которой несколько дней назад лежал покойник. Хура отвернулся к стене и мгновенно захрапел, а Авик долго не мог уснуть, ворочаясь с боку на бок. Незаметно нахлынувший на него сон, стремительно слетел с него перед рассветом. Сердце холодной рукой сжимала тревога. В ускользящих обрывках ночных видений блеск ножей сменялся шуршанием сороконожек. Авик рывком сел на лавке, крутанул головой, чтобы стряхнуть морок и принялся натягивать сапоги, «Раз я все равно не сплю, проведаю-ка я Дуна» – подумал он.

Ветер, разгуливающий по двору, не давал потухнуть углям в жаровне. Благодаря их тусклому неровному свету Авик увидел, что бездыханное тело покрыто простыней, а Дун подвесил гамак между двумя опорами навеса и спокойно спит, завернувшись в овчину. Авик поднял его фолиант и открыл на последней исписанной странице. Здесь была старательно вычерчена Аст-

ральная Карта – Дун сделал свою работу. Авик подбросил в жаровню пару щепочек и быстро пробежался по внешнему краю Карты. Они с Хурой потратили так много времени на его проверку, что он помнил расположение всех рун. Все сходилось, они не ошибались, а Дун, кажется, не нашел ничего нового. В этот момент кто-то мягко взял его за запястье и вынул фолиант из рук.

– Что, молода башка, не спится? – насмешливо спросил его знакомый голос откуда-то из темноты. Авик вздрогнул от неожиданности.

– Поспишь тут, – ответил он. – Жаль, что Вы понапрасну тащились в такую даль, – сказал он, указывая на фолиант. Дун придвинулся поближе к жаровне.

– А ты с утра шибко быстрый, ты карту-то смотрела? Что такая руна значит? – он ткнул пальцем в карту и выжидающе посмотрел на Авика.

– Мерроеф-готонг, – прочитал Авик и нахмурил брови. – Натянутый конский волос, струна лютни? – Дун тихо рассмеялся и с ощутимой силой ткнул его кулаком под ребра.

– Э, нет, это полярный лев, зверюга очень выносливая и сильная чутьем. Руна редкая и наверняка запрещенная. Весь остальной Карта под Внешним Краем очень странная. Слова кое-какие впервые видела и в книжка не находила.

Авик затрясся мелкой дрожью, однако Дун, казалось, нисколько не был удивлен своим открытием. Зевая, он засунул фолиант за пазуху и полез обратно в гамак досыпать до рассвета. Авик на негнущихся ногах отправился в дом. Когда он завернул за угол, на конюшне зафыркала лошадь. Он повернул голову на звук и остолбенел. С крыши хлева сквозь мрак прямо на него смотрели два немигающих, светящихся зеленым огнем глаза. Авик крепко зажмурился и снова открыл глаза. Наваждение улетучилось, темнота сгустилась. Но он так и остался стоять, вжавшись в бревенчатую стену. Не прошло и часа, как рассвет узкой багровой каймой показался из-за дальнего перелеска.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На восходе заспанный возница загнал кибитку во двор хутора. В ее задней стенке, за драпировкой обнаружилось миниатюрное живое окно. Усевшись на крыльце и потягивая горячее молоко с медом, мальчики смотрели, как Дун слой за слоем накладывает на него защитные чары, не позволяющие посторонним ушам узнать о содержании предстоящего разговора. Когда все было готово, окно зажглось оранжевым огнем и в нем, как сквозь толщу воды, проступила знакомая комната, заваленная книгами и прочим хламом. Оноди Нотия вполоборота сидел за своим столом в одной лишь ночной сорочке и грел босые ступни над небольшой жаровней, стоявшей у него в ногах.

– Ну, рассказывайте, – сказал он вместо приветствия, и стиснул в кулаке конец своей нечесаной бороды.

– Две дурная новость, – отрапортовал Дун, – крестьянин была заколдована, внешний край сохранен, чтоб следы путать, все остальное внутри – новая, много непонятная. Центральной часть Карты, включая Истинное Имя крестьянин, разрушил непонятная сила. Поэтому мальчик Карта не открывать. Само тело посмотреть – похоже, что сначала заколдовать, а потом убивать. Возможно – чтобы концы обрубить и запрещенная магия скрывать.

– Клянусь Летающими Островами, это не-ве-ро-ят-но! – протянул старый волшебник, – Наша магия пока не знает способа уничтожить Карту только изнутри. Как добраться до вишневой косточки не повредив кожуру? Хм... Если твои наблюдения верны, мы имеем дело с чем-то совершенно не известным. Кто-то или что-то совсем рядом с нами располагает силой, которую мы совершенно не понимаем.

– Мы должны немедленно сообщить об этом Его Высокомогуществу, – встрял Хура.

– Неужели? – усмехнулся Нотия, – насколько я знаю Рамиса, он не слишком обрадуется тому, что вы пошли против его воли и самочинно продолжили расследование... Необъяснимые случаи такого рода происходили и раньше, хотя нечасто... Я полагаю, грандмаг возобновит это дело только в том случае, если будет убежден, что ему самому, Школе или княжеству грозит неминуемая опасность. Зачем ему лишний раз рисковать своими позициями при дворе? Он не тот, кто пойдет на это из-за смерти одного крестьянина.

– Что же тогда делать? – спросил Авик.

– Во-первых, похоронить этого несчастного. Во-вторых, нам следует собрать побольше сведений о происходящем. Когда я услышал заключение совета о капкане Черных Куниц, я не поверил своим ушам. Я еще помню времена, когда магические капканы не были редкостью в наших лесах. Большинство из них Куницы расставляли, чтобы насыпать морок, и тогда жертва бесконечно блуждала в чаще леса, или иногда с помощью капкана человека лишали сил и доводили до истощения, но я ни разу не слышал об ожогах и уж тем более о перманентной магии. Племя Черных Куниц одно из древнейших в наших краях, но они слишком постоянны в своих привычках. Их капканы не менялись, по меньшей мере, со времен основания Хорива. Более ранний период просто не отражен в летописи... Однако в данном случае нельзя исключать, что Рамис прав. Хотя магия Куниц стара, и подчас больше напоминает деревенские обряды, в ней есть много вещей, которые мы никогда до конца не понимали. Столкнувшись с необъяснимым, я тоже прежде всего думаю об их возвращении. Барджигин-оол Дунже, не окажете ли Вы нам еще одну услугу? Нам бы очень пригодись сведения о движении северных племен...

– Не могу отказать, учитель, – тихо ответил степняк.

«Так вот оно что, это его ученик», – подумал Авик, а Хура так и подпрыгнул на месте.

– Но как Вы знать моя положение, не можно сделать это в Хорив.

– Мы все осознаем, что вы подвергаете себя риску, и очень ценим вашу самоотверженность – так же тихо произнес Нотия.

– Я должна отъехать до Черная Десница. Это мала-маленько три дни.

– Я буду Вам крайне признателен, Дунже, – повторил старый волшебник, Дун лишь молча кивнул головой.

– А вас, молодые люди, я жду в Хориве с записями мастера Дунже. Кстати, Авик, я побеседовал с наставником Одшу об истории твоего ученичества, – продолжил волшебник, скрывая улыбку, – как ты, наверное, знаешь, я давно не беру учеников. Однако мне нужен плотник, садовник и библиотекарь. Я никогда не держал прислуги, но сейчас у меня совершенно нет сил заботиться о доме и саде. Питанием и кровом ты будешь обеспечен. Жалованье я платить не буду, но вместо этого обучу тебя магии. Если захочешь, конечно.

Хура ткнул Авика локтем в бок:

– Соглашайся, увалень, – прошептал он. Тот, робея, начал бормотать слова благодарности.

– Ну, вот и хорошо, – хлопнул в ладоши старый волшебник, – да, и еще, когда будете проезжать мимо этой вашей полянки, наловите мне полевок. Дунже, напишете молодым людям *заклинание призыва*?

– Конечно, учитель.

– Тогда до встречи, – старый маг тряхнул седой шевелюрой, и живое окно погасло.

Дун на своем наречии отдал распоряжение вознице, и тот принялся собирать гамак и сундуки. Сам маг тем временем вырвал два листка из своего фолианта, на один из них он быстро перекопировал Карту Атрака, а на другом своим аккуратным почерком набросал несколько Имен – заклинание призыва.

– Я бы в Хорив не спешить, – сказал он отдавая Хуре листки, – Там ваша знакомый-плащ гвоздичка сильно хотеть, а та лысая негодяя теперь совсем злой ходить, шишка монетка прикладывать – Хихикая он подсчитал что-то на пальцах, – два дни на три... будет пятница и торжище большое. А вы – одеваться в крестьянский одежда и тихонько в Хорив пробираться. В Хорив вы у Оноди Нотия укрываться, пока мы не решим с этим маленький проблем.

Выпив по крынке кефира, степняки укатали по своим делам. Мальчики же, взяв лопаты, оправились на опушку леса и принялись ковырять еще не оттаявшую, полную корневищ землю. Только к полудню неглубокая могила была готова. Авик срубил две молодые осинки и соорудил из их стволов какое-то подобие носилок. Обливаясь потом, мальчики понесли замотанный холстиной и перехваченный бечевой труп к опушке. Проститься с усопшим пришло всего несколько соседей, да еще старичок – деревенский колдун. Мавка стояла у изголовья могилы, упрямо сдвинув брови. Ни она, ни ее мать не проронили ни слова и не пролили ни слезинки, а просто смотрели, как комья глины постепенно съедают обернутый в холстину кокон.

После недолгих и немногословных поминок гости разошлись, и в доме воцарилась гнетущая тишина, лишь из-под пола раздавалось печальное треньканье сверчков. Мальчики тоже неловко откланялись и отправились на авиков хутор – кормить кур, оголодавших за три дня и как будто даже слегка облезших от тоски. После Хура вернулся к своим урокам, а Авик принялся заколачивать ставни, прятать утварь по сундукам – скоро ему предстояло оставить этот дом надолго, если не навсегда.

Один кирпич у основания печи отодвигался, и Авик, просунув руку в образовавшееся отверстие, достал несколько серебряных монет и бабушкину камею с мраморным профилем прекрасной южанки на иссиня-черном фоне. Простая оправка была поцарапана в нескольких местах, а кусок черного оникса отломан, но это лишь подчеркивало утонченное изящество вещицы. Налюбовавшись, он засунул свои скромные сокровища в поясную сумку и принялся заговаривать стены: иначе жучки превратят дом в труху за три-четыре зимы... Сборы сделали дом чужим и неудобным, поэтому вечером, когда друзья ели свой холодный ужин, разговор у них не складывался.

– Слушай, – сказал наконец Авик, извлекая злосчастный браслет из голенища, – а что мы будем делать с этой штукой? Вдруг эти трактирные действительно за ней охотятся? Может, они связаны с убийством?

– Мне кажется, в твоём сапоге ей отлично живется, – ответил Хура. – Дун сказал, что со смертью она не связана, значит это вряд ли важная улика. Но проверить надо.

Авик поскреб бронзу пальцем.

– Ни клейма, ни гравировки. Одна надежда – что удастся расшифровать заклятие.

Хура в ответ только утвердительно погудел набитыми щеками.

На следующий день Авик отправился проститься с Мавкой. Хотя возвращение в Хорив и возобновление ученической жизни было его заветной мечтой, ему страшно не хотелось снова покидать хутор. Он все спрашивал себя, почему за эти четыре дня Мавка, которую он знал чуть не с рождения, стала так много значить для него.

Не застав девушку дома, он отправился на опушку, к свежей могиле. Она сидела неподалеку на сухом стволе упавшей березы и задумчиво сосала соломинку.

– Здравствуй, Авик, – поздоровалась она, – знаешь, мне до последнего момента казалось, будто что-то должно случиться, и папа окажется живым. Так странно...

Авик не нашелся, что ответить, и пару минут они молчали.

– Знаешь, а я в Хорив опять уезжаю. Надолго, – наконец выдал он несколько слов. Мавка грустно покивала головой. Он сел на стволе рядом с ней и достал из поясного мешка камю. – Вот, это тебе... на память... – Мавка медленно взяла брошь в руку и поднесла к лицу.

– Очень красивая, – сказала она, – но ты же будешь приезжать?

– Ну да...

– А мне нечего тебе подарить. Хотя нет, постой, вот возьми, – она сняла с пальца простое деревянное колечко. Авику оно налезло только на мизинец. Испещренная темными прожилками древесина пахла можжевельником. Снова повисла неловкая пауза.

– Слушай, а когда вы хоронили папу, вы сняли с него веревку? – спросила вдруг Мавка.

– Нет, – ответил Авик.

– А почему же она здесь лежит, – Мавка указала рукой на грязный клубок, спутанной черной змеей затаившийся у вывороченных корней дерева.

– Ах да, наверное, сняли... а я забыл – произнес Авик, в панике вспоминая заклинание геопии. Сделав вид, что закашлялся, он отошел в сторону и, встав за стволом, молниеносно пробормотал несколько Имен. Как сквозь толщу мутной воды, он увидел корни, норы лесных зверьков, рыхлую глину свежей могилы. Тело было на месте. Облегченно вздохнув, он вернулся к задумчивой Мавке.

«Что со мной? То глаза в темноте мерещатся, то про веревку забываю?» – думал он.

– Прости, Авик, что я такая невеселая сегодня, – сказала девушка, – я буду по тебе очень скучать...

Он нежно погладил Мавку по ее длинным распущенным волосам. Она не отстранилась и лишь печально покачала головой. Так они молча сидели бок о бок на стволе березы, слушая весеннее щебетание птиц и чуть слышный шум не проснувшихся еще от зимнего сна деревьев. Авик чувствовал какую-то странную воздушную легкость в груди, в районе солнечного сплетения.

На следующий день мальчики поднялись затемно, рассовали свои робы и сапоги по котомкам, а сами нарядились в авиковы крестьянские обноски. Долговязый Хура, почти на голову выше своего приятеля, намотал онучи почти до колен, чтобы голые голени не выглядели из-под слишком коротких ему штанов. Авик запер дверь и зачаровал щеколду простым, но надежным заклинанием. Зайдя в курятник, он выловил и попарно связал сонно квохчущих

куриц. Так, с котомками за плечами, курами и глиняным кувшином для полевок, друзья вышли на Северный Тракт.

Было очень свежо и по-весеннему ветрено. Вскоре из-за поворота показалась крестьянская телега, запряженная парой немолодых коренастых коней и груженная какими-то мешками. Правил лошадами потрепанный сутулый мужичок с виноватыми глазами. Мальчики знаками попросили его остановиться. Авик со своим крестьянским говором принялся торговать подвоз до Хорива в обмен на курицу. Крестьянин оказался не жадным, и через несколько минут мальчики уже тряслись по ухабам вместе с мешками, между которых обнаружилась спящая жена возницы и его дочь-подросток. Хура сперва тоже завалился спать, а Авик смотрел на проплывающие мимо кроны и загадывал, скоро ли ему вновь придется ехать этой дорогой в обратном направлении.

Груженная телега катилась медленно, крестьянин был разговорчив, и к полудню, когда ветерок стих, а весеннее солнышко начало слегка припекать, друзья очень подробно представляли себе как содержимое мешков, так и точное его происхождение. Не желая выслушивать полное жизнеописание коней, везущих телегу, Хура соскочил на землю и быстрым шагом пошел по обочине.

– Скажи, а почему у тебя одежда крестьянская, а говоришь ты по-городскому? – спросил его крестьянин, видимо, не хотевший терять слушателя.

– Так я и живу рядом с городом, ездил вот ему помогать по хозяйству, – почти не соврал Хура.

– Не ближний свет-то, – отозвался крестьянин. – Мне бы кто так помог. Три сына у меня, да со скотиной работы столько, что на пасеку вообще рук не остается. Сосед раньше помогал, пока с ним беда не случилась. А тех, кто подальше-то живет, тех пойди еще уговори. Так что в следующий раз, – он подмигнул Хуре, – милости просим.

– А что с вашим соседом случилось? – осведомился Авик.

– Да ничего. Был-был – и нету, пропал, да и канул в Лету.

– То есть как это?

– Как-как. Той осенью уехал тоже в город, на ярмарку, один. Уехать-то уехал, а приехать забыл.

– И не нашли его?

– Не, не нашли, да не шибко-то и искали, он вдовый был и бездетный. Лошадей видели потом на конском базаре.

– Может, он в торговые люди подался?

– Угу, задал корове корм на три дня и в торговые люди подался. Не... Если только золото где нашли рассыпное... А они все его мыть сбежали, – крестьянин завистливо пожевал губами.

– Они все?

– Да просто поветрие какое-то... Человека три, а то и четыре. Нет, не вместе – каждый сам по себе уезжал, и ни слуху потом, ни духу. Вон, меня жена моя, – он недовольно мотнул головой в сторону полусидящей на телеге женщины, – теперь на ярмарку одного и не пускает.

Мальчики испуганно переглянулись.

– И давно это началось? – спросил Хура.

– Да никак, с осени, – потянул крестьянин. Тут настроение у него испортилось, и желание вести разговоры пропало.

Когда большая часть дня была позади, небо затянуло облаками и начал накрапывать холодный мартовский дождик. Дорогу изрядно развезло, и лошади пошли совсем медленно, то и дело опуская широкие головы и выпуская из ноздрей клубы пара. Теперь уже все четыре пассажира спешили и шли по обочине вслед за телегой. Так что когда путники достигли того самого луга, на котором друзья отдыхали шесть дней назад, никто не возражал против привала. Лошадей укрыли от дождя в густом ельнике, который начинался приблизительно в ста шагах

от проселка. Телегу накрыли просмоленной мешковиной, несмотря на негодование все еще связанных кур. Жена крестьянина серпом выкосила под подводой жесткий травяной сухостой, а мальчики разложили поверх поверженных стеблей свеженадранный еловый лапник. Девочка раскатала четыре потертые коровьи шкуры. Крестьянин окопал телегу неглубокой водоотводной канавкой. Когда дождь вошел в полную силу, путники уже сидели или полулежали под полком, глядя, как холодные капли сбивают с высоких колес дорожную грязь.

Так они прождали больше часа, однако дождь все не утихал. Тогда прямо под дождем из нескольких валунов соорудили простой очаг и разожгли чадящий, кашляющий от влажной бересты костер. Крестьянка зарезала петушка и принялась его потрошить, а Авик побежал в лесок, поискать подходящей глины. Отойдя на достаточное расстояние от стоянки, он немедленно прочитал заклинание, сделавшее его рубаху и порты непромокаемыми под дождем. Капли, блестя при соприкосновении с одеждой, скатывались по грубой льняной ткани и падали в коричневую лесную подстилку.

Судя по уклону, тут должен был быть овраг с небольшой речушкой. И точно – в ложбине, вздувшийся от дождя и талой воды, прямо через заросли дягиля бежал мутный журчащий поток. Авик пошел вниз по течению и шагов через триста нашел то, что искал – отвесный, скользкий обрыв на подмытой ручьем излучине. Свесившись с его края, он принялся раскапывать грязную красноватую землю своей мозолистой пятерней. Слепив ком размером с собственную голову, он обвалил его в опавшей листве и зашагал обратно вверх по утопанной тропинке. Лишь когда она растворилась в сухих еловых иголках, а запах костра защекотал ему ноздри, Авик подумал: «А откуда тут эта тропа? И куда она вообще ведет? Места-то тут не населенные».

Оставив глиняный ком под корнями вывороченной ели, он бросился обратно. Миновав обрыв, тропинка шла вдоль ручья, пока вдруг не оборвалась на подтопленной прибрежной полянке. Авик осмотрелся. Тропа продолжалась уже на другом берегу: то ли мостки снесло течением, то ли в нормальную погоду через ручеек можно было просто перешагнуть. Чертыхнувшись, он разулся и перешел вброд ледяной поток, утопая по щиколотку в чмокающей грязи, казавшейся теплой по сравнению с талой водой, проносившейся над ней. Быстро вытерев ноги от налипшего ила и обувшись, он побежал дальше. Шагов через двести он увидел просвет между деревьями и убавил шаг.

Тропа вела к высокой полуразрушенной ограде какой-то усадьбы. Авик подошел поближе и заглянул в щель между досками. Его взгляд уперся в черную грудку обгорелого дерева, а в нос ударил тяжелый запах свежего пепелища. Найдя дырку в заборе, он проник во двор. Внушительных размеров изба, занимавшая большую часть двора, сгорела практически полностью. Крыша рухнула, стены по большей части обвалились и лишь кое-где возвышались над землей, достигая, самое большое, плеча мальчика. Дождь прибывал пепел к земле, превращая его в густую серо-черную кашу. Авик прошел через то, что было когда-то дверным проемом и, переступая через упавшие балки, стал пробираться к почерневшей громаде печи. Несмотря на дождь, пепелище все еще сохраняло свой смертоносный жар и жгло даже через влажные чуни. В печи все еще стоял здоровенный глиняный горшок, весь растрескавшийся из-за пожара. Авик осторожно коснулся края сосуда и попытался было вытащить его наружу, но тот приплавился к полу горнила – и от приложенного усилия рассыпался на куски. Внутри обнаружили обугленные остатки пищи. Авик в задумчивости отступил на шаг, все еще держа в руках почерневший черепок. Вдруг под ногами раздался треск обгорелых досок, и через мгновение он летел вниз в душную темноту, увлекая за собой обуглившиеся головешки. Очнулся он, лежа на куче пепла. Нос и рот были забиты, а за шиворот ему сквозь дыру в потолке струилась зола вперемешку с дождем. Света, проникавшего вниз через дыру, было достаточно, чтобы понять, что он провалился в неглубокий хозяйственный погреб. Прочистив глаза, уши и нос, он зажег холодный огонь и в ужасе отпрянул, стукнувшись головой о почерневший потолок, –

прямо на него, раскрыв рот в беззвучном крике, смотрело обезображенное лицо человека. Спекшаяся кожа побурела и покрылась пузырями, волосы выгорели, а глаза почернели от жара. Руки трупа были заведены ему за спину. Сквозь смрад пожарища, Авик почувствовал отталкивающий запах горелой плоти. Не помня себя от ужаса, он как белка вскарабкался по стенке погребка и, подтянувшись на руках, выскочил наружу. Выбравшись из пожарища, он остановился под дождем, чтобы перевести дыхание. Он обнаружил теперь, что падая в погреб, ушиб локоть и разбил губу. Где-то тревожно закричала птица. Авик повернул голову, – сквозь шум дождя с той стороны усадебного участка до него донеслось чуть слышное ворчание и тяжелые шаги. Неожиданно, высоченная ель, растущая в перелеске, в десяти шагах от забора злополучной усадьбы, заходила ходуном, разбрасывая вокруг себя капли воды и роняя продолговатые шишки. Это было уже слишком. Авик выскочил обратно сквозь дырку в заборе и бросился наутек, вспоминая попутно защитные заклинания, которым он так как следует и не научился.

Брод он преодолел бегом, не разуваясь, оставив одну чуню в чавкающей грязи и чуть не поскользнувшись. Из всех сил он мчался вверх по тропинке, боясь обернуться. Ему казалось, будто совсем рядом звучат шаги неведомого преследователя и слышится его хриплое дыхание. Заклинание, наложенное на одежду, распалось, когда он упал в погреб, поэтому на полянку к своим попутчикам он выскочил насквозь вымокший, перепачканный в золе и глине, и вдобавок босой на одну ногу.

– Что это с тобой? Ты где пропадал столько времени? Мы уж и глину накопили, – изумленно глядя на него, спросил его Хура.

– Ехать нам пора, – ответил Авик, – место плохое тут.

Начинало смеркаться, телега была обложена лапником уже со всех сторон, – крестьяне готовились заночевать прямо на этом лугу. Рядом с очагом лежали черепки от разбитой глиняной оболочки с впекшимися в нее перьями приготовленного петушка. Возница, смотревший на Авика из-под телеги округлившимися от удивления глазами, обсасывал сочное крылышко. Хура отломил кусок грудинки, вытащил из костра печеную луковицу и протянул Авику.

– Что стряслось? – спросил он.

Авик отвел его в сторону и рассказал о своей находке и бегстве. К концу рассказа он уже стучал зубами от холода. Хура сделался мрачным, как грозовая туча.

– Так, ты пойди, поешь и обогрейся. Я пока наловлю полевок, и едем, – сказал он.

Пока Авик, обжигаясь, заглатывал свой кусок грудинки, Хура отошел на другой конец луга, достал листок Дуна, прочитал заклинание и бросил кусок пергамента в кувшин. Несколько минут ничего не происходило. Потом Авик увидел еле заметное шевеление среди прибитых дождем стеблей, словно серый ручеек потянулся к лежащему на боку сосуду. И вдруг бурая волна поднялась и захлестнула кувшин, а вокруг его горла образовалось куча-мала из копошащихся зверьков. Хура ловко привел свою ловушку в вертикальное положение, вытряхнул половину мышей и заткнул горло деревянной пробкой с высверленными отверстиями для воздуха. Полевки, оставшиеся снаружи, еще какое-то время пытались запрыгнуть в кувшин или вскарабкаться по его отвесной стенке, однако вскоре прекратили это занятие и разбрелись по своим делам – видимо их сородичи внутри ловушки изгрызли пергамент, и заклинание перестало действовать. Хура поднял кувшин обеими руками и понес его обратно к телеге. Крестьяне, сидевшие под ней, так ничего и не заметили, однако на потрепанного Авика, сушившего у костра свои порты и рубашку, все еще смотрели с некоторым удивлением.

Дождь превратился в безобидную туманную морось, однако и солнце уже почти совсем закатилось. Хура попытался убедить пригревшегося у костра усталого крестьянина, что нужно сниматься со стоянки, однако тот был совершенно не в настроении продолжать путь в темноте. Пожары и погорельцев он повидал на своем веку вдоволь, а от Черных Куниц ночью все равно не удерешь. Мальчишкам ничего не оставалось, кроме как нести ночное дежурство. Первым очередь бодрствовать выпала Авику. Он присел на край телеги.

Вышедший из-за облаков молодой месяц освещал убегающий вдаль проселок и чернеющую на краю луга полосу ельника. Авик принялся поправлять лапник, сходил проведать лошадей, досыпал им фуража. Зачерпнув пригоршню овса, он вернулся к телеге и, приоткрыв кувшин с полевками, тоже закинул туда зерна. Кувшин заходил ходуном от мышинной беготни так, что Авику пришлось взяться за ручки, чтобы не дать ему упасть. Из любопытства он открыл кувшин пошире и зажег внутри него крохотный холодный огонь, немедленно приковавший внимание десятков крохотных черных глазок. Авик принялся рассматривать суетливо жующие усатые мордочки. Почти у всех зверьков на голове виднелись едва заметные бугорки. Они были намного меньше тех, которые он обнаружил неделю назад – видимо, за это время заклинания успели ослабнуть. И все же, кому понадобилось повторять одно и то же простенькое упражнение несколько сот раз и зачаровывать всех полевок на этом лугу? Кто-то готовит целую армию магов? Но это же невозможно сделать незаметно. Он в задумчивости потушил огонь и заткнул кувшин. Небо окончательно очистилось. Чтобы не заснуть, Авик стал играть сам с собой в «угадай созвездие». Помнил он их плохо, поэтому игра не клеилась. Когда Росомаха зашла наконец за кроны деревьев, он залез под телегу и растолкал Хуру. Тот был уже и не рад идее ночного караула, но поделаться ничего не мог. Когда он, потягиваясь и шепотом кляня свою судьбу, полз к выходу по лапнику, со стороны ельника раздалось тревожное лошадиное фырканье. Хура быстро выскочил в ночь, но лошади снова затихли. Сквозь налетевшую дремоту Авик слышал, как его приятель ходит вокруг телеги, переминается с ноги на ногу, громко хрустит онемевшими пальцами. После тяжелого дня сон навалился на него сразу, темный и глухой, как заброшенный колодец.

Разбудил его резкий и высокий крик, несущийся со стороны ельника. Лошади испуганно заржали и застучали копытами. Было слышно, как скрипят и лопаются ремешки лошадиной сбруи, которыми они были привязаны к коновязи. Крик неожиданно сменился утихающими клокочущими подвываниями. Авик выбрался наружу и подскочил ко вглядывающемуся в темноту Хуре. Месяц был снова скрыт облаками. Кто-то тяжелый, сопя, понесся по лугу. У Авика душа ушла в пятки.

– Ты что, не слышишь, конь сорвался с привязи, – крикнул ему Хура, бросаясь наперерез невидимому в темноте животному. Из-под телеги стрелой выскочил разбуженный возчик и во все лопатки помчался за ним, спотыкаясь на скользкой траве. До Авика донеслась приглушенная ругань вперемешку с увещеваниями. Судя по топоту, конь закружил вокруг телеги, потом замедлил бег и пошел шагом. Наконец из темноты показалась конская голова. На узде буквально висели Хура и возчик. Последний одной рукой гладил бедное животное по чувствительному месту посреди лба, между распахнутыми от ужаса глазами.

– Что это был за вой? – спросил Авик.

– Две сойки лягушку не поделили, – неуверенно предположил крестьянин, утирая пот со лба. Он потрепал дрожащего коня по холке и протянул руку к темному горизонту, – светает уж, давайте-ка в путь-дорогу...

Мальчики с облегчением принялись собирать свои пожитки и запрягать беспокойных коней. Было еще темно, когда они выехали на тракт. Лошадей даже не пришлось подгонять, они сами припустили по темной дороге так, что мокрая от дождя грязь летела из-под колес во все стороны. «Скорей бы эта ночь закончилась», – думал Авик, теребя мавкино колечко. Хура вдруг схватил его за рукав и показал головой в сторону. Там, в залитой туманом низине, между молоденькими елочками виднелось что-то напоминающее человеческую фигуру, наполовину скрытую в клубках тумана. Когда лощина скрылась за поворотом, он повернулся к Авику:

– Ты видел? Он стоял на четвереньках, а увидев нас встал, как будто зверь на задние лапы.

– Оборотень? Кадавр?

– Или Черная Куница.

– Черные Куницы низкорослые и вроде бы как сутулые, – вдруг тихо вставил крестьянин, – а этот был высокий и прямой. – Он взмахнул вожжами, и лошади понесли еще быстрее.

– А вы встречали Черных Куниц? – удивился Авик.

– Давно дело было. В детстве, – быстро отозвался тот и еще раз подстегнул лошадей.

Вскоре восток заалел, и наконец, на горизонте показался узкий, обжигающий взгляд, краешек дневного светила. Туман начал рассеиваться, а страхи уходить. Навстречу попалась крестьянская подвода с седым как лунь стариком на козлах. Мальчики и дочь крестьянина встретили его восторженными криками, старик посмотрел на них удивленно, но ответил вежливым приветствием. К полудню, когда по сторонам дороги замаячили верстовые столбы, счастливая обыденность всего вокруг вернулась в свои привычные берега. Утомленный Хура дремал, наполовину засыпанный мешками, а Авик, отгоняя сон, пытался восстановить и запомнить все события прошедшего дня. Мысли путались и наползали одна на другую. С высокой ели вместе с каплями дождя сыпались полевки, а вместо коня по полю топал кто-то огромный, мохнатый, с зелеными светящимися глазами. Он сам не заметил, как провалился в сон.

Проснулся он от того, что кто-то больно толкнул его в бок. Телега уже не двигалась. Прямо над ним нависало грузное лицо городского стражника с маленькими красными глазками под тяжелым шлемом. Тупым концом пики от щупал лежащие на телеге мешки.

– Просыпайся, холоп, – от стражника повеяло винным перегаром, – нечего спать, когда благородный господин с тобой разговаривает. – Понаползли в город сегодня, не проехать по улицам, – обратился он к крестьянину заплетающимся языком.

– Так ярмарка же, сударь, – возразил тот.

– Так и что, что ярмарка, у нас распоряжение. В княжеских интересах. Высочайшее повеление. А то негоже благородным господам и между телегами-то. Вот если пару куриц уступишь для государственной важности, то, стало быть, и можно будет сделать исключение. Или, вот, если твоя дочурка меня поцелует – я ведь жених хоть куда, – бренча доспехами, он подкрутил один ус. Девчонка заревела, а крестьянин принялся хмуро разворачивать коней.

– Может, лучше я тебя поцелую? – раздался вдруг голос Хуры. Стражник слегка оторопел от такого неожиданного предложения, и от того, что это было сказано чистым городским говором. Насупив пьяные брови, он несколько мгновений пристально рассматривал Хуру. Крестьянские обмотки, торчащие из-под коротких портов, быстро развеяли его сомнения, и он, сделав шаг вперед, начал заносить пику для того, чтобы ударить мальчика тупым ее концом. Авик, сразу соскочивший с телеги, со страхом глядел то на наливающееся кровью лицо стражника, то на черное от ярости лицо друга, бешено шепчущего руны. Он попытался было перехватить пику, но вскрикнув, отдернул руку: металл был раскален докрасна. Через мгновение жар через кольчужную перчатку дошел и до руки стражника. Взревев, он выпустил оружие и принялся срывать раскалившуюся рукавицу. Когда тугие завязки, не поддававшиеся трясущимся от хмеля и ярости пальцам, были перекушены, он вдруг охнул, и забыв про перчатку, принялся отчаянно высвобождать ногу от медленно краснеющего бронированного щитка поножей. В воздухе запахло палеными волосами и немойтой плотью. Авик перевел взгляд на Хуру. Тот, нахмурившись, продолжал шептать.

Не справившись с доспехами и воя от боли, несчастный пьяница с разбегу сиганул в мелкую канавку, когда-то бывшую частью оборонительного рва, а теперь заполненную грязной талой водой напополам с помоями. Щиток с шипением ушел под воду, но судя по крикам трезвеющего на глазах блюстителя закона, жечь не переставал. На вопли барахтающегося в грязи тут же собралась толпа зевак из числа торговцев, нищих и просто прохожих. Расталкивая их, на помощь своему товарищу уже спешили другие стражники. Пока двое, проклиная нестерпимую вонь, вызволяли все еще орущего караульного, остальные обступили телегу выставив вперед

острые концы своих пик. Крестьяне в телеге окоченели от ужаса. Хура сделал шаг навстречу блестящим на солнце металлическим наконечникам и поднял открытую ладонь с загнутым вниз безымянным пальцем. Авик последовал его примеру. Стражники, увидев приветствие волшебников, отступили на один шаг.

– Я бы хотел видеть начальника караула, – величественно заявил Хура, строго сдвинув брови, – почему пьяный на посту?

– Они обедать-с изволят... – заблеял в ответ тот, кто, видимо, был старшим в группе, – но оно-с извинительно-с: Вы, Ваше Мудрейшество, так необычно одеты, что...

Пики заметно задрожали. Крестьяне смотрели на своих попутчиков огромными глазами.

– Не вашего ума дело, как мы одеты, – оборвал его Хура. – А начальника караула, когда они изволят-с закончить-с свою трапезу, пришлите в Школу Волшебников для доклада. И чтобы не терять времени, можете заготовить пару охапок хороших ивовых прутьев.

Опустив пики и пряча злобные глаза, стражники расступились, а мальчики, взобравшись обратно на телегу, въехали в город. Всю дорогу до ярмарочной площади крестьянин с тревогой косился на своих пассажиров.

– Уж и задали вы мне страху, благородные господа, – наконец произнес он. – Как бы эти судари на обратной дороге на мне не отыгрались.

– Выезжай через другие ворота, – скупно отрезал Хура. – И сегодня им будет не до тебя.

На площади они распрощались с крестьянами. Авик быстро распродал оставшихся куриц и, звеня медными монетами, друзья отправились в харчевню перекусить. Завернув за угол, они неожиданно для себя оказались небольшой толпе, окружавшей непримечательного вида толстенького человечка в черной робе без пояса, стоявшего, отставив ногу, на перевернутой бочке. Близко сдвинутые свиные глазки строго смотрели из-за оплывших щек, а борода в три волосинки возмущенно дрожала.

– Кругом всеповсеместная измена и околоступное недопочитание, – восклицал он визгливым голосом. – Доколе мы будем запускать магов вовлекаться в священнодействие Божественного провожения? Что они возомнили о себе, эти книжнозлостные возмутители? Человечи из земли родяшеса и в землю возвратяшеса. Так было предначертано испокон веку, и так будет до закругления времен. Кто смеет оборонишеса против того, чему суждено совершишеса? Вот ты можешь восстать супротив молнии грозовой? – он обратился к одному из слушателей, средних лет мужчине в костюме ремесленника. Тот, польщенный вниманием, энергично закивал и замотал головой одновременно. – А супротив весеннего ледохода? – продолжал оратор. – То-то и оно, что можешь, да только живым да здоровым тебе не быти. А разве судьбина человеческая светлее неба грозowego да спокойней ледохода? – слушатели одобрительно загудели. – Нет, не светлее и не спокойней. Так кто, окромя богов, достоин заправлять наше предначертание? Неужели эти высокоумцы, которые в щелку что-то подглядели, у небесных освещателей через плечо подсмотрели да от спеси возгордились? Грех это страшный, высокоумие. Все мы во грехе ходим, всем нам покаяться надобно.

– Ученый человек, а мои пальцы – тоже грех? – спросил один из слушателей, поднимая руку. Все пальцы кроме мизинца были заменены магическими протезами.

– Грех, сын мой, страшный грех, – резко отвечал толстяк.

– Да как же я без них плотничать-то буду? – расстроился прохожий.

– Тебе разве боги не дали пальцев? – переспросил проповедник.

– Боги-то дали, да только оторвало мне пальцы мялкой.

– А мялка та заговоренная была? – быстро отреагировал толстяк.

– Да как же, ясное дело, что заговоренная...

– Вот, – торжествующе вскричал толстяк, указывая пальцем ввысь – грех никогда не проникает сам по себе. Спервоначально он пришел чрез нечестивую мялку, ведь она ж, небось, и не освящена была в установленном святым законом порядке? – прохожий хмуро кивнул, и

этим так раззадорил толстяка, что тот начал подпрыгивать на своей бочке. – Боги дали этому человеку знак, чтоб он одумался, покаяться и отзынул от высокоумных нечестивцев. Но нет! Не таков лихолютый род человеческий. . .

Вдруг Авик заметил, что Хура тихонько подбирается к бочке. Подойдя к ней, он рухнул на колени и, воздев руки к небу, возопил:

– О горе мне, великому грешнику! Хочу покаяться во грехе! Ведь я долгие годы изучал высокоумие в Школе Магии под руководством этого старого высокоумца Рамиса Ацетуса.

Толстяк, принявшийся неистово подпрыгивать с началом хуриной исповеди, несколько притих, как только услышал имя грандмага. Хура понял, что заехал немного не туда, и поспешил сменить тему. Совершая земные поклоны и ритмично раскачиваясь из стороны сторону, он произносил нараспев:

– Не сотворял я молитв, страдал ослеплением ума, не чтил святых святынь, был свое-нравен, самоугодлив и самочинен, не приходил за благословением, не жертвовал, был ретив, предавался вкусоедению и сладкопитию, громкопению и веселоплясанию. Но спала теперь пелена, морок развеялся! Спасибо тебе о, мудрейший из мудрых – жизнь моя по-другому пойд-дет, другим путем, сообразно воле богов, а не каких-то книжновредных выскочек.

Когда Хура дошел до веселоплясания, прыжки толстяка стали уже слишком заметно попадать в такт словам исповеди, и казалось, что он с трудом сдерживается, чтобы не начать выкидывать коленца. Тут Хура как бы случайно подтолкнул бочку, и проповедник потерял равновесие и со всего маху шлепнулся на мостовую, широко расставив ноги. Полы робы задра-лись, и взору публики предстали две упитанные лодыжки в облегающих бархатных панталонах и щегольских замшевых сапожках. Хура молниеносно подскочил к низверженному оратору, сдернул с него сапожки и, запрыгнув на бочку, поднял их высоко над головой.

– Последняя мода: пурпурные самоплясы с нефритовыми пряжками, – звонко провоз-гласил он. – Покупайте сапоги, стачал сапожных дел мастер Фрадволь, заговорил заклинатель Гарбор-старший, оба промышляют в Хориве, в Торговом квартале, направо от кожаных рядов, – зачитал он выбитые на каблуке слова, а от себя добавил, – Святые отцы плохого не посоветуют.

В толпе радостно загоготали. Особенно удивлялся беспалый плотник, он ударял себя руками по бедрам и, мотая головой, сквозь смех повторял:

– Ой, да как же это так! Как же так!

Хура бросил сапоги почерневшему от злости толстяку, все еще не пришедшему в себя после падения и позорного разоблачения.

– Шел бы ты, добрый человек, прямо на свои потанцульки. Черт тебя дернул по дороге искру веры высекать. А вы чего уши развесили? – он повернулся к толпе, – Это же даже не священник, у него и пояса-то нет, просто дурак в черной робе!

Прохожие загомонили и начали расходиться. Хура с Авиком отошли в сторону и быстро растворились в толпе. Здесь, среди снующих поваров и перебравших по случаю удачной тор-говли простолюдинов, все события прошедших дней казались причудливым сновидением. Лишь рогатые полевки, скребущиеся в кувшине, напоминали о том, что все это было явью.

– Я понял, что на нем самоплясы, как только он начал подпрыгивать, – говорил Хура, уплетая копченое свиное ухо, – когда в городе ярмарка, по вечерам на площади обычно устра-ивают танцы, вот он и принарядился.

– Борзо ты сегодня начал, сначала со стражником, теперь с этим типом, – сказал Авик.

– Терпеть это все не могу, – притворно поморщился польщенный Хура.

Через час, подобревшие и повеселевшие от вкусной пищи и жизнерадостной суеты, маль-чишки пошли на подол, нанести визит Нотии. Они снова поплутали в безлюдных проулках, но в конце концов вышли к нужному тупику. Здесь, привалившись к коновязи, стоял какой-то странный человек и энергично махал им руками. Незнакомец имел густую шевелюру и широ-

кий задранный кверху нос. Поравнявшись с ним, мальчики поняли, что он нем. Человек отчаянно жестикулировал, хлопал Хуру по груди и показывал то на дом Нотии, то на что-то на узкой тропинке между глухими оградами имений, как бы уговаривая пойти туда вместе с ним. Глаза его умоляюще смотрели то на одного, то на другого. В нерешительности мальчики сделали несколько шагов по узкой тропе. Вдруг незнакомец издал пронзительный свист, и тут же с обеих сторон, выламывая доски изгородей, высунулись по две пары мускулистых мозолистых ручищ в защитных браслетах и скрутили мальчиков. Последним, что запомнил Авик, был звон разбитого кувшина и радостный писк вырвавшихся на свободу полевок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.